

Л.Я. Лавровский

Несколько сведений для биографии
Паисия Лигарида, митрополита
Газского

Опубликовано:
Христианское чтение. 1889. № 11-12. С. 672-736.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Нѣсколько свѣдѣній для біографіи Паисія Лигарида, митрополита газскаго.

Въ длинной и полной трагическихъ моментовъ процедурѣ суда надъ патр. Никономъ (собственно на второй стадіи этого суда) слишкомъ рѣзко по временамъ выдвигается на передній планъ загадочная личность греческаго пришельца, безмѣстнаго газскаго митрополита, Паисія Лигарида. Роль его въ дѣлѣ осужденія Никона въ новѣйшей церковно-исторической литературѣ выяснилась уже почти до мельчайшихъ подробностей, особенно трудами проф. Субботина, Макарія, м. московскаго, Кацтерева, Гиббенета и друг. Хитроумный и лстивый „гречинъ“ оставилъ послѣ себя слишкомъ много замѣтныхъ слѣдовъ для того, чтобы безпристрастная исторія могла составить вѣрное понятіе о его дѣятельности при московскомъ дворѣ царя Алексея Михайловича. Отъ критическаго анализа указанныхъ изслѣдователей никакъ не могло укрыться то, что самъ Паисій Лигаридъ старался скрыть болѣе всего. Его мнимое радѣніе, будто-бы, только о пользѣ церковнаго мира и о возстановленіи лишь чистой истины получило надлежащее освѣщеніе, въ смыслѣ самаго безсовѣстнаго корыстолюбиваго разсчета и низкой услужливости интересамъ сильнѣйшей стороны. Такимъ образомъ, для общей характеристики личности Паисія Лигарида, а также для опредѣленія занимаемаго имъ положенія въ дѣлѣ осужденія патр. Никона, данныхъ имѣется очень достаточно, хотя еще нельзя сказать, что вопросъ уже окончательно исчерпанъ и не требуетъ, для полнаго своего освѣщенія, никакихъ новыхъ дополненій.

Нѣсколько въ иномъ положеніи находится вопросъ о полной біографіи газскаго митрополита. Дѣло въ томъ, что о Паисіѣ Ли-

гаридѣ, до прїѣзда его въ Россію, извѣстно еще очень немногое, да и это извѣстное нуждается еще въ надлежащей провѣркѣ и въ пополненіи значительныхъ пробѣловъ. Какъ человѣкъ, въ жизни котораго было не мало темныхъ дѣлишекъ, Лигаридѣ тщательно скрывалъ свое прошлое отъ любопытства людей, имѣвшихъ съ нимъ какія-либо сношенія. Если по временамъ кое-что неприглядное всплывало наружу, то въ этомъ случаѣ онъ умѣлъ пользоваться довѣріемъ лицъ, расположенныхъ къ себѣ, чтобы представить об-наружившійся фактъ самой гнусной клеветой. Нужно сознаться, что ловкость его въ указанномъ отношеніи невольно повергаетъ въ изумленіе. Благодаря своему исключительному положенію при дворѣ Алексѣя Михайловича, Паисій Лигаридѣ умѣлъ обращать въ свою пользу даже такіа вещи, которыя, при болѣе внимательномъ раз-смотрѣніи дѣла, не только не прошли бы ему даромъ, а напро-тивъ перевернули бы вверхъ дномъ всю его блестящую карьеру. Вотъ почему многія біографическія подробности изъ прежней жизни Лигарида, до его прїѣзда въ Россію, интересны и для характери-стики его личности, и могутъ быть важными для исторіи суда надъ патр. Никономъ. Между тѣмъ въ нашей русской литературѣ для біографіи Лигарида имѣются только отрывочныя указанія въ „Сло-варѣ“ и. Евгенія и небольшая статья прот. А. Горскаго, подъ заглавіемъ: „Паисій Лигаридѣ до прїѣзда въ Россію“¹⁾. Хотя высокоученый прот. Горскій приложилъ всѣ усилія, чтобы дать нѣсколько достоверныхъ свѣдѣній о прошлой жизни Лигарида до прїѣзда въ Россію, но скудость добытыхъ имъ свѣдѣній открывается съ перваго же взгляда. Равнымъ образомъ и у и. Евгенія біографія Лигарида страдаетъ очевидною неполнотою. Случайно намъ пришло-сь встрѣтить документъ, въ которомъ сообщается нѣсколько свѣ-дѣній о Лигаридѣ лицомъ, ему современномъ. Хотя эти свѣдѣнія не отличаются особенною новизною и полнотою, но они могутъ имѣть свой интересъ въ сопоставленіи съ другими, такъ что послѣ

¹⁾ М. Евгеній. «Словарь писателей духовнаго чина». Изд. 1827 г., т. 2, стр. 145—149. Прибавленія къ Твореніямъ св. отцевъ т. XXIX, стр. 133 и слѣд.

критической провѣрки тѣхъ и другихъ открывается возможность придать имъ надлежащую цѣну. Сверхъ того, свѣдѣнія нашего документа представляютъ еще интересъ и съ той стороны, что они идутъ отъ лицъ, интересовавшихся лично Лигарида ради собственныхъ цѣлей, не относящихся ни прямо ни косвенно къ дѣлу и. Никона. Благодаря случайности, Памсій Лигаридъ сталъ извѣстенъ нѣкоторымъ своимъ современникамъ въ западной Европѣ, а въ нѣкоторыхъ ученыхъ кружкахъ изъ-за его личности возбуждалась даже оригинальная полемика. Все это побуждаетъ насъ цѣнить въ извѣстной мѣрѣ тотъ документъ, съ которымъ собираемся познакомить читателей. Документъ этотъ есть письмо французскаго посланника при шведскомъ дворѣ, маркиза де-Помпона, (M. de-Rocheppe) къ извѣстному главѣ ясенистовъ — Антуану Арно. Считаемо не лишнимъ сказать сначала нѣсколько словъ по поводу исторіи самаго письма.

Нижеприведенное письмо маркиза де-Помпона, французскаго посланника при дворѣ короля шведскаго, своимъ происхожденіемъ обязано не какимъ-либо политическимъ обстоятельствамъ, а также и не долгу дружеской переписки лицъ, находящихся въ разныхъ государствахъ, а полемическимъ мотивамъ извѣстнаго католическаго богослова. главы французскихъ ясенистовъ второй половины XVII вѣка, доктора богословія Антуана Арно. Съ 1664 года ясенисты, ведшіе въ то время упорную и продолжительную войну съ римскою куріей по поводу подписанія „формуляра“ папы Александра VII, — по вопросу о пресловутыхъ „пяти положеніяхъ“ книги епископа кирскаго Ясенія, вступили еще при этомъ въ жаркую богословскую полемику съ французскими кальвинистами. Со стороны ясенистовъ борцами явились А. Арно и Пьеръ Николь, а со стороны кальвинистовъ — шарантонскій пасторъ Клодъ. Главнымъ предметомъ полемики былъ вопросъ о евхаристіи, а частіе — догматы пресуществленія св. даровъ. Когда съ той и съ другой стороны обмѣнялись возраженіями, то въ 1666 году Арно и Николь задумали дать самое основательное опроверженіе на послѣднее полемическое сочиненіе пастора Клода, которое носило заглавіе: *Réponse aux deux traités (de Nicole) intitulés: La perpe-*

tuité de la foy de l'Eglise catholique touchant l'Eucharistie. 1665.

Планъ задуманнаго ясенистами сочиненія состоялъ въ томъ, чтобы доказать истину католическаго догмата пресуществленія св. даровъ непрерывною сѣтью свидѣтельствъ преданія, своею древностію восходящихъ къ вѣку апостольскому, а также свидѣтельствами современной практики церквей, отдѣлившихся отъ церкви римской. Въ виду послѣдней задачи, необходимо было собрать массу свѣдѣній на Востокъ — свидѣтельства современныхъ восточныхъ церквей: греческой, русской, армянской, коптской, яковитской и др. Авторы предпринятаго труда не только не устрашились грандіозностію поставленной задачи, напротивъ, повели задуманное дѣло съ величайшей энергіею. Въ счастію для себя, они нашли возможность навести справки, относительно вѣрованія въ догматъ пресуществленія современныхъ восточныхъ церквей, чрезъ министерство иностранныхъ дѣлъ. Здѣсь, въ то время видный постъ занималъ маркизь де-Помпонъ, родственникъ А. Арно. Въ его то содѣйствію и обратились ясенисты, чтобы, при его посредствѣ, чрезъ французскихъ посланниковъ, узнать, какого мнѣнія держатся въ данное время восточныя церкви въ ученіи о таинствѣ евхаристіи. Маркизь де-Помпонъ охотно согласился оказать помощь А. Арно, и для цѣлей его написалъ посланнику при турецкомъ дворѣ г. де-Нуантелю (de-Nointel), чтобы послѣдній справился у патріарха константинопольскаго насчетъ вѣрованія грековъ въ догматъ пресуществленія ¹⁾. Справка здѣсь была наведена и прислана скоро. Гораздо труднѣе было достать свѣдѣнія изъ „Московіи“, какъ называли Россію, потому что при русскомъ дворѣ не было тогда особаго уполномоченнаго, или резидента. Но и тутъ Арно нашелъ средство помочь дѣлу. Сынъ маркиза де-Помпона былъ въ то время посланникомъ при шведскомъ дворѣ. Чрезъ него и рѣшили добыть нужныя свѣдѣнія изъ Московіи. „Ииѣя въ виду“, говоритъ Арно, „поставить внѣ спора этотъ пунктъ вѣры

¹⁾ Du-Fossé Memoires pour servir à l'histoire de Port-Royal. Utrecht. 1739. p. 326.

(догматъ пресущественія) общество, отдѣлившихся отъ церкви (католической), я побудилъ сообщить для этой цѣли жемуаръ г. де-Помпону, чрезвычайному посланнику его христіаннѣйшаго величества при дворѣ шведскомъ ¹⁾, чтобы чрезъ его посредство имѣть, если возможно, свидѣтельства отъ москвитянъ²⁾. Когда всѣ необходимыя свѣдѣнія съ Востока были добыты, Николь принялся за составленіе проектированнаго полемическаго сочиненія, отдавшись полному уединенію сначала въ Шатильонѣ, близъ Парижа, а потомъ въ аббатствѣ Haute Fontaine, аббатъ котораго Гельомъ Леруа былъ его другомъ ³⁾. Къ концу 1668 года книга была готова въ рукописи, а въ началѣ слѣдующаго года вышла въ свѣтъ, подъ заглавіемъ: *Perpetuité de la foy de l'Eglise catholique touchant l'Eucharistie, defendue contre le livre du sieur Claude, ministre du Charenton. t. I., Paris. 1669.* Это полемическое сочиненіе надѣлало много шуму: у католиковъ приобрѣло очень лестную репутацію, а со стороны кальвинистовъ вызвало нѣсколько отвѣтовъ, и прежде всего „отвѣтъ“ пастора Клода, который скоро составилъ возраженіе на книгу Арно и Николая и выпустилъ его въ свѣтъ, подъ заглавіемъ: *Réponse au livre de M. Arnauld, intitulé Perpetuité etc* ³⁾.

¹⁾ Маркизь де-Помпонъ былъ назначенъ шведскимъ посланникомъ съ 20 декабря 1665 года, какъ гласитъ данная ему инструкція, сохранившаяся въ рукописи въ парижской королевской библиотекѣ, подъ заглавіемъ: «*Instruction à Simon Arnauld d'Andelly, Seigneur de-Pomponne, allant ambassadeur en Suède du 20 Décembre 1665, avec plusieurs pièces touchant negociation dudit Sieur de-Pomponne. Le-Long. La France historique.*»

²⁾ Floquet. *Études sur la vie de Bossuet.* Paris 1855, t. III, p. 225.

³⁾ Г. Сырку въ своей статьѣ: «*Николай Спаэари до приѣзда въ Россію*» (Записки восточнаго отдѣленія Импер. Русск. Археол. Общества, т. III, выпускъ 3-й, Спб. 1889, стр. 189) невѣрно представляетъ исторію составленія книги «*Perpetuité*» и возраженій на нее со стороны пастора Клода, предполагая, что единственнымъ поводомъ къ составленію полемическихъ сочиненій о евхаристіи яansenстами и пасторомъ Клодомъ было появленіе въ западной Европѣ подложнаго «*Катихизиса*» патр. Кирилла Лукариса, книга котораго давала протестантамъ слишкомъ сильное орудіе для борьбы съ католиками въ ученіи о пресущественіи св. даровъ. «*Вслѣдствіе этого, говорить г. Сырку, графъ де-Нуантель въ Константинополѣ и А. де-Помпонъ въ Сток-*

Такъ какъ исторія сношеній французскаго посланника при шведскомъ дворѣ, маркиза де-Помпона, по поводу вопроса, предложеннаго А. Арно, изложена въ самомъ интересующемъ насъ письмѣ де-Помпона, то вполне естественно обратиться къ тексту этого письма, чтобы видѣть, какое историческое значеніе оно можетъ имѣть въ отношеніи Паисія Лигарида. Ради большей точности письмо приводится въ оригинальномъ текстѣ съ параллельнымъ переводомъ на русскій языкъ ¹⁾.

Lettre de M-eur de Pomponne, ambassadeur extraordinaire de Sa Majesté Très-Chrétienne auprès du Roy de Suède.

A Stocholm, ce 10 septembre 1667.

J' ay reçu vostre billet du 18 du mois passé, et je esté très - aise de devoir à la Moscovie quelque espece de commerce avec vous. J'en profite avec joye et je me trouve fort honoré d'entrer pour ma part, moy indigne, dans la refutation du Ministre Claude.

Письмо г. де-Помпона, чрезвычайнаго посланника его христіаннѣйшаго величества при дворѣ короля шведскаго.

Стокгольмъ. 10 сентября 1667.

Я получилъ вашу записку 18 числа прошедшаго мѣсяца и очень радъ быть обязаннымъ Московіи за случай сношенія съ Вами. Съ радостію пользуюсь этимъ и считаю для себя, недостойнаго, дѣломъ очень почтеннымъ вступить съ своей стороны въ опроверженіе пастора Клода.

гольмъ употребили всѣ старанія къ тому, чтобы собрать данныя для доказательства подложности катихизиса, приписываемаго Кириллу Лукарису, и оправдать преданіе востока объ Евхаристіи». Однако, даже изъ состава самыхъ полемическихъ сочиненій Клода и ясенястовъ можно сразу видѣть, что вопросъ о катихизисѣ Кирилла Лукариса занимаетъ въ нихъ довольно скромное мѣсто и вовсе не составляетъ ихъ основной темы и главнаго предмета, а является, такъ сказать, только случайнымъ эпизодомъ, на которомъ необходимо было остановиться, въ виду особенной его оригинальности и нѣкотораго отношенія къ дѣйствительному предмету полемики. Что же касается порученія къ А. де-Помпону, то сейчасъ можно будетъ видѣть, въ чемъ оно состояло.

¹⁾ Письмо де-Помпона помѣщено въ *Perpetuite de la foy... t. I, partie II, livre V. pp. 440—442, dans l'éd. 1661 in 4°; dans l'édit. in 12° pp. 27—31.*

Quoyque vous avez déjà esté sans doute satisfait par ce que je mandé mon Père sur les questions que vous me faites je vas vous recommencer l'histoire de l'écrit que je vous ay envoyé et y ajouterai quelques preuves qui en assurent davantage la verité

Lorsque je reçeu vos memoires pour m'informer de la créance des Moscovites j'avois déjà reçeu au mois de Mars de l'année passée une lettre de M. l'abbé N dont aussi Mrs de N. me recommandoit le soin, par laquelle il me prioit d'avoir s'il estoit possible le sentiment de l'Eglise Moscovite sur l'Eucharistie, et m'envoyoit les opinions différentes sur ce point de l'Eglise Catholique, des Lutheriens, et des Calvinistes. Je fis traduire ces propositions en latin, et les donnay à M. le Comte de-la-Gardie, Grand Chancelier du Suède; et le priay s'il estoit possible d'en avoir resolution par le Resident du Roy de Suède auprès du Grand duc de Moscovie. Il me promit de m'en faire avoir réponse et dès l'heure mesme il envoya l'écrit que je lui avois donné au Sieur de Lilienthal, Resident de Suède à Moscou. Ce

Хотя, безъ сомнѣнія, Вы уже удовлетворены тѣмъ, что я сообщалъ моему отцу, по поводу предложенныхъ мнѣ Вами вопросовъ, однако я памѣренъ снова воспроизвести исторію посылаемаго Вами мною произведенія и еще прибавить сюда нѣкоторыя доказательства, еще болѣе подтверждающія въ немъ истину.

Когда я получилъ ваши межуары насчетъ того, чтобы я осведомился насчетъ вѣрованія москвитянъ, въ мартѣ прошлаго года я уже получилъ письмо отъ аббата N. (усердіе котораго мнѣ рекомендовалъ также г. N) письмо, въ которомъ онъ просилъ меня узнать, если возможно, мнѣніе церкви московской относительно Евхаристіи и послалъ мнѣ различныя мнѣнія по этому пункту церкви католической, лютеранъ и кальвинистовъ. Я поручилъ перевести эти пропозиціи на латинскій языкъ и сообщилъ ихъ г. графу де-ля-Гарди, великому канцлеру шведскому, и просилъ его, если возможно, дать отвѣтъ на нихъ чрезъ посредство резидента короля шведскаго при дворѣ великаго князя московскаго. Онъ обѣщалъ мнѣ содѣйствіе къ полученію отвѣта на нихъ, и тотчасъ же переданное мною письмо послалъ къ г. Лиліенталю,

ministre s'adressa pour en avoir l'eclaircissement au Metropolitan de Gaza, et voici les articles des diverses lettres qu'il écrivoit à M. le Grand Chancelier, pour lui rendre compte de sa diligence en cette affaire. Il m'en envoya les copies en Allemand, et j'en garde les originaux.

Depuis le mesme Sieur de Lienthal ayant eu permission de revenir en cette Cour, en rapporta l'écrit dont je vous envoyé la copie, signé de la propre main de ce Metropolitan ¹⁾. M. le Grand Chancelier quelques jours après avoir receu me dit en riant qu' il ne devoit point me le donner par ce que nous y avons trop d'avantage. Il me l'envoya le lendemain par un des ses secretares et je garde l'original pour

шведскому резиденту въ Москвѣ. Этотъ министръ-резидентъ обратился за объясненіями насчетъ этого къ митрополиту газскому (Пансію Лигариду), и вотъ выдержки изъ различныхъ писемъ, которыя онъ (Лиліенталь) писалъ къ великому канцлеру, чтобы дать отчетъ о своемъ стараніи въ этомъ дѣлѣ. Онъ (канцлеръ) послалъ мнѣ коніи ихъ, на нѣмецкомъ языкѣ, и я храню оригиналы ихъ.

Потомъ, тотъ же самый г. Лиліенталь, получивъ позволеніе воротиться къ этому двору (т. е. шведскому), привезъ сюда сочиненіе, копію которою я Вамъ послалъ, подписанное собственною рукою этого митрополита ¹⁾. Спустя нѣсколько дней послѣ полученія его, великій канцлеръ сказалъ мнѣ смѣясь, что онъ не долженъ былъ бы давать этого сочиненія, потому что оно даетъ намъ слишкомъ много выгодъ. Назавтра чрезъ од-

¹⁾ Считаемо необходимымъ теперь же указать, о какомъ сочиненіи говорить де-Помпонъ въ этомъ мѣстѣ своего письма. Здѣсь разумѣется трактатъ о Евхаристіи, написанный Пансіемъ Лигаридомъ. Чрезъ де Помпона, уже указаннымъ путемъ, трактатъ попалъ въ руки А. Арно и помѣщенъ имъ въ III томѣ книги *Pépetuité* (livre XII, pp. 60—73), подъ заглавіемъ: «*Écrit du Metropolitan de Gaze sur la créance des Grecs et de Moscovites*». Авторъ этого трактата, Пансію Лигаридъ, старается ясно и убѣдительно доказать филологическими и историческими аргументами, что восточная церковь (въ томъ числѣ и русская) всегда признавала догматъ пресуществленія, считая его истинной столь же несомнѣнною, какъ то, что таинство Евхаристіи установилъ самъ І. Христосъ.

не le point exposer au peril du voyage.

J'ay veu depuis le Sieur Lilienthal, et il m'expliqué plus amplement tout ce qu' il est passé en cette affaire. Vous voyez par ses lettres au Grand Chancelier, qu'il s'adressa au Metropolitan de Gaze qui est auprès du Grand Duc et que celui-ci voulut en presence de tout le Clergé recevoir de luy la permission de répondre aux questions que luy avoient esté faites. Il reste à vous dire, qui est cet Archevesque, et voicy ce que le mesme Sieur de Lilienthal m'en a appris.

Il est Grec de nation, et Religieux de l'ordre de S. Basile. Il a étudié à Rome et à Padoue, et estant revenu de la à Constantinople il y avoit esté fait Archevesque de Gaza en Palestine. Le succès avec lequel il preschoit la religion Grecque aux Turcs, et quelque persecution qu'il craignoit que cela luy attirast, l'obligea à s'eloigner de Constantinople, et à passer en Moldavie et Walachie, qui sont de l'Eglise Grecque. Sa reputation obligea le Kzar à l'appeller à Moscou.

ного своего секретаря онъ прислалъ мнѣ его, и я храню оригиналь, дабы не подвергнуть его гибели на пути.

Потомъ я видѣлъ г. Лиліенталя, и онъ сообщилъ мнѣ подробности, какъ велось все это дѣло. Изъ его писемъ къ великому канцлеру вы видите, что онъ обратился къ митрополиту газскому, приближенному великаго князя, и что этотъ митрополитъ желалъ получить позволеніе отъ князя отвѣчать на предложенные ему вопросы въ присутствіи всего духовенства. Теперь остается сказать Вамъ, кто такой этотъ архіепископъ, и вотъ что сообщилъ мнѣ о немъ самъ г. Лиліенталь.

По національности онъ грекъ и монахъ ордена св. Василія. Онъ учился въ Римѣ и въ Падуѣ, и возвратившись оттуда въ Константинополь, былъ поставленъ тамъ архіепископомъ г. Газы въ Палестинѣ. Успѣхъ, съ которымъ онъ проповѣдывалъ греческую религію туркамъ, и нѣкоторое преслѣдованіе, которое онъ боялся навлечь на себя за это, заставили его удалиться въ Молдавію и Валахію, которыя принадлежать къ церкви греческой. Его репутація побудила царя вызвать его

Il est logé dans son palais ¹⁾, et est en forte grande estime en cette Cour. Sans l'ignorance de la langue du país il auroit apparemment esté eleu Patriarche en la place de celuy qui a esté deposé; et le Sieur de Lilienthal m'assuré que nul autre n'avoit tant de reputation, et tant de sçavoir que luy en Moscovie. Il luy avoit temoigné qu'il avoit dessein de faire souscrire son écrit dans l'espèce de Synode, auquel les Legats des Patriarches de Jerusalem et de Constantinople avoient esté envoyez; mais la chose luy parut depuis d'un trop long travail; parce qu'ayant écrit pour le Sieur de Lilienthal en latin, il auroit fallu qu'il eust romit le mesme écrit en grec, et qu'il eust fait ensuite traduire en Moscovite afin que Legats et les Evesques du país l'eussent pu entendre. Ainsi il le donna connue il l'avoit écrit d'abord. Mais le Sieur de Lilienthal, qui a demeuré longtems à Moscou,

въ Москву.

Онъ помѣстился въ его дворцы ¹⁾ и находится въ большомъ уваженіи: при этомъ дворѣ. Если бы онъ зналъ языкъ страны, онъ, вѣроятно, былъ бы избранъ патриархомъ на мѣсто того, котораго низложили, и г. Лиліенталя увѣрялъ меня, что никто другой въ Московіи не имѣлъ такой репутаціи и такихъ познаній.

Онъ (Лигаридъ) увѣрялъ его (Лиліенталя), что онъ имѣлъ нахѣреніе удостовѣрить свое сочиненіе, какъ бы на соборѣ, на который были присланы также представители патриарховъ іерусалимскаго и константинопольскаго, но что потомъ дѣло это показалось ему слишкомъ труднымъ, потому что, написавъ для г. Лиліенталя свое сочиненіе по-латыни, онъ долженъ былъ бы перевести его на греческій языкъ, а потомъ еще и на московскій, чтобы представители патриарховъ и епископы страны могли понять его. Такимъ

¹⁾ Паисій Лигаридъ жилъ въ Москвѣ но въ царскомъ дворцѣ, а лишь въ домѣ, подаренномъ ему царемъ. При отъѣздѣ своемъ изъ Москвы газскій митрополитъ былъ 1672 г., чтобъ хороши его и иноскомъ подворьѣ. до его пріѣзду приказано было бѣ беречь переводчику посольскаго приказу Миколаю Спатаріюсу». Дополненія къ Актамъ историческимъ собранія и маданія Археографической Коммиссіей. Сгб. 1857, т. VI, стр. 216.

m'a dit ne comprendre pas que l'on revoquast en doute l'opinion des Moscovites sur la transubstantiation; puisque l'on en voit tous les jours des marques publiques dans les rues de Moscou, où le peuple se prosterne contre terre, et adore le S. Sacrement que l'on porte aux malades: qu'enfin c'est une chose connue à quiconque a connue seulement la Moscovie.

J'ay voulu vous dire tout ce qui est de cet Archevesque; parce que je ne doute que quelques Calvinistes qui sont ici n'ayent donné avis de cet écrit au ministre Claude, et qu'en la mesme manière qu'ils ont dit que cet auteur devoit estre suspect, parce qu'il avoit esté nourri à Rome, et qu'il avoit esté recen Docteur à Padoue, ils ne luy ayent mandé qu'il peut rejeter son témoignage comme d'un homme élevé en nostre religion. Ce n'est pas que je croye rien de plus foible que cette defaite, et que rien puisse moins avoir l'air de conclusion que d'une declaration que l'on va chercher en Moscovie, et

образомъ, онъ передалъ сочиненіе въ томъ видѣ, какъ оно было написано сначала. Да и самъ г. Лиліенталь, долго пробывшій въ Москвѣ, говорилъ мнѣ, что онъ не понимаетъ, какъ это можно подвергать сомнѣнію мнѣніе московитянъ относительно пресуществленія, послѣ того, какъ на улицахъ Москвы можно видѣть явныя доказательства, такъ какъ тамъ народъ простирается на землю предъ св. дарами, несомыи къ больнымъ, и почитаетъ ихъ, что, наконецъ, эта вещь известна всякому, кому только знакома Московія.

Я хочу сообщить Вамъ все, что есть, относительно этого архіепископа, ибо я не сомнѣваюсь, что нѣкоторые кальвинисты, живущіе здѣсь, дадутъ знать пастору Клоду насчетъ сочиненія митрополита газскаго. И подобно тому, какъ они говорили, что этого автора должно считать подозрительнымъ, потому что онъ воспитанъ въ Римѣ и получилъ степень доктора въ Падуѣ, они сообщатъ ему также, что можно отвергнуть его свидѣтельство, какъ чловѣка, воспитаннаго въ нашей религіи. Однако, я не знаю чего либо слабѣе этого недостатка, и что менѣе всего могло бы имѣть видъ тайнаго соглашенія, какъ свидѣтельство, только

qui passe par le canal d'un premier Ministre, et d'un Resident de Suède Lutherien. Mais toutes sortes des deffaites sont bonnes à tels gens pour se sauver. La date de l'écrit marque mesme quelque consideration de l'auteur, puisqu' elle fait voir qu'il est logé dans le palais mesme du Grand Duc, qui s'appelle Jean Alexiovitz; et c'est qui a fait nommer le lieu d'où il écrivoit, ex Museo Alexeo. Les sentiments du Seigneur Mosdave (Nicolas Spathari) se rapportent entierement à ceux-cy. Et ce rapport entre deux hommes qui écrivent l'un à Stocholm, l'autre à Moscou, fait voir que l'Eglise Grecque est partout d'une mesme opinion. Le Concile qui s'est tenu à Moscovie a confirmé la depo-

что отысканное въ Москвѣ и бывшее оттуда чрезъ посредство перваго министра и шведскаго резидента, лютеранина. Но всѣ виды недостатковъ хороши для такихъ людей, желающихъ прикрыть себя. Даже дата письма указываетъ нѣкоторое значеніе автора, потому что она указываетъ, что онъ живетъ въ дворцѣ великаго князя, прозывающагося Иванъ Алексѣевичъ (Алексѣй Михайловичъ), и это, именно, побудило его назвать мѣсто, изъ котораго онъ писалъ, „Музеумъ Алексѣя“. Мнѣнія молдавскаго дворянина ¹⁾ совершенно сходны съ этими. И это сходство между двумя людьми, изъ которыхъ одинъ писалъ въ Стокгольмѣ, а другой въ Москвѣ, показываетъ, что церковь греческая вездѣ дер-

¹⁾ Здѣсь рѣчь идетъ о Николаѣ Спаэари, молдавскомъ выходцѣ, который оказался въ Стокгольмѣ, по поводу дипломатическаго порученія даннаго ему бывшимъ молдавскимъ господаремъ Георгіемъ Стефаномъ. Де Помпонъ воспользовался его пребываніемъ въ Стокгольмѣ для цѣлей своего дяди, Аятуана Арно, и досталъ отъ него свидѣтельство о вѣрованіи греческой церкви въ догматы пресуществленія. Этотъ документъ тоже помѣщенъ въ концѣ 3 тома книги *Perpetuite*, подъ особымъ заглавіемъ: *Enchiridion sive Stella orientalis; id est, sensus Ecclesiae orientalis, scilicet graecae, de transubstantione corporis Domini aliisque controversiis, a Nicolao Spathario, Moldavolacone, barone et olim generali Walachiae, conscriptum, Holmiae, anno 1667, mens. febr.* Въ 1671 году Н. Спаэари прибылъ въ Россію и поступилъ на службу въ посольскій приказъ. Ему то и поручилъ Лигаридъ беречь «свои хоромы и ино строеніе». Самымъ важнымъ дѣломъ Спаэари въ Россіи было посольство въ Китай въ 1675 г. съ царскими грамотами, для заключенія съ китайцами мирнаго договора.

sition du Patriarche, accusé de vices abominables, et d'avoir son país dans la guerre contre la Suède et la Pologne. Il a aussi réglé dans la religion l'herésie qui s'élevoit touchant le culte des images, ceux de la nouvelle secte ne voulant admettre que celles de Crucifix, de la Vierge, et de S. Nicolas. Voila jusqu' où s'étend l'éclaircissement que je vous puis donner sur les choses que vous avez sçavoir; et ma connaissance ne vas plus avant sur la religion des Russes. Au moins y en-t-il suffisamment ce me semble pour oster cette defaite au ministre Claude».

жится одного и того же мнѣнія. Соборъ, который собирался въ Москвѣ, утвердилъ изложеніе патріарха, обвиненнаго въ грѣсныхъ порокахъ, а также и въ томъ, что онъ втянулъ свою страну въ войну съ Швеціей и съ Польшей. Этотъ соборъ очистилъ также религію отъ ереси, которая возникла по поводу почитанія иконъ, ереси новой секты, не желавшей принять никакихъ другихъ изобрженій, кромѣ Распятія, св. Дѣвы и св. Николая.

Вотъ въ чемъ заключается объясненіе, которое я могу дать Вамъ насчетъ тѣхъ вещей, которыя Вы хотѣли знать, и мое знаніе религіи русскихъ дальше не простирается. Тѣмъ не менѣе, мнѣ кажется, что и этого достаточно, чтобы отнять этотъ недостатокъ у пастора Клода“.

Письмо маркиза де-Помпона къ А. Арно и данное Паисіемъ Лигаридомъ свидѣтельство о вѣрованіи русской церкви въ догматы пресуществленія не прошли незамѣченными для главнаго противника Арно—реформатскаго пастора Клода. Въ своемъ „отвѣтѣ на сочиненіе янсенистовъ Клодъ посвящаетъ нѣсколько страницъ спеціально Паисію Лигариду и его трактату о Евхаристіи. Такъ какъ на этихъ страницахъ мы находимъ нѣсколько новыхъ свѣдѣній для біографіи Лигарида, какъ разъ въ pendant къ тому, что сообщаетъ о немъ де-Помпонъ, то считаемъ нелишнимъ сдѣлать нѣсколько буквальныхъ извлеченій изъ книги Клода, дабы, на основаніи сопоставленія данныхъ, можно было бы съ большею

увѣренностію комментировать интересующее насъ письмо маркиза де-Помпона.

Сдѣлавъ сначала общую характеристику питомцевъ греческой коллегіи въ Римѣ, изъ которой, въ большинствѣ случаевъ, выходятъ явные приверженцы латинства и его распространители въ восточной церкви, пасторъ Клодъ ставитъ на видъ Арно, что свидѣтельства подобныхъ лицъ о догматахъ греческой церкви далеко не столь убѣдительны, какъ это можетъ казаться защитнику католичества. „Если, говорить Клодъ, Арно претендуетъ этимъ способомъ поразить пасторовъ и торжествовать надъ ихъ безсиліемъ, то его побѣды будутъ легки, но его триумфы не будутъ ни очень солидными, ни слишкомъ славными“ ¹⁾. Вслѣдъ затѣмъ Клодъ ставитъ болѣе частный вопросъ относительно достовѣрности свидѣтельства Паисія Лигарида о догматѣ пресуществленія въ греческой церкви и спрашиваетъ своихъ читателей: „хотите ли знать, что такое этотъ Паисій Лигаридъ, обратите вниманіе на то, что сообщаетъ о немъ де-Помпонъ въ своемъ письмѣ“. Приводя нѣсколько выдержекъ изъ извѣстнаго намъ письма маркиза де-Помпона, Клодъ говоритъ дальше: „неужели мы только отъ г. де-Помпона и знали бы, кто такой этотъ архіепископъ, если онъ выразилъ опасеніе, чтобы живущіе въ Стокгольмѣ кальвинисты не написали пастору Клоду? Нѣтъ, мы не преминули узнать о немъ изъ другого источника, именно, мы узнали о немъ отъ одного обращеннаго въ латинство (latinisé) венеціанскаго грека, по имени синьора Градениго, который вотъ что недавно писалъ о немъ: „Паисій Лигаридъ воспитывался въ Римѣ, и когда онъ ушелъ оттуда, то явился горячимъ защитникомъ латинявъ; недавно я слышалъ, что онъ торжественно отрекся отъ римской религіи, при своемъ посвященіи въ митрополита газскаго“. Изъ дальнѣйшаго очевидно, что Клодъ считалъ очень важнымъ обрисовать личность Паисія Лигарида, возможно, ярче. „Чтобы знать характеръ этого

¹⁾ Приведенная выдержка и слѣдующія за нею взяты изъ сочиненія Клода: *Veroyse au livre de M. Arnauld intitulé: La perpetuité de la foy de l'Eglise Catholique touchant l'Eucharistie defendue. Queveliy. 1671, t. I, pp. 597 - 601.*

лица, продолжаетъ Клодь, и ему подобныхъ, слѣдуетъ прояснить исторію того отреченія, о которомъ говорятъ синьоръ Градениго. Вотъ что писалъ мнѣ объ этомъ англійскій докторъ Базайръ (Basige), который находился въ Іерусалимѣ во время посвященія Пансіа Лигарида въ митрополиты. „Въ 1646 году, во время возмущеній, волновавшихъ Англию, король Великобританіи, Карль I, мой повелитель, пожелалъ, чтобы я отправился во Францію къ его сыну, нынѣшнему королю Карлу II. Послѣ двухлѣтняго пребыванія во Франціи, я рѣшился сдѣлать длинное путешествіе, длинное—говорю, какъ въ отношеніи мѣстностей, такъ и времени, употребивъ на него цѣлыхъ пять лѣтъ, въ теченіе которыхъ я посѣтилъ всю Сирію, Месопотамію и Палестину. Въ 1652 году, находясь въ Іерусалимѣ, въ храмѣ гроба Господня, для молитвы и обозрѣнія свящ. мѣсть (ориг. εὐχῆς καὶ τῶν τόπων ἱστορίας ἐνεκεν), въ подражаніе тому Александру, о которомъ говоритъ Евсеій (Памфилъ) въ своей VI книгѣ, я замѣтилъ Пансіа Лигарида, идущаго ко мнѣ отъ патріарха іерусалимскаго, по имени тоже Пансіа, чтобы предложить мнѣ хлѣба (d'un gâteau), на которомъ были изображены всѣ событія (mîstères) жизни I. Христа, отъ Благовѣщенія до Вознесенія. Оставляя меня, онъ просилъ меня придти завтра на его духовное обрученіе (à son mariage spirituel)—это было его выраженіе,—т. е. на его поставленіе въ санъ митрополита газскаго. На завтрашній день, 14-го сентября, совершилось это поставленіе, и я присутствовалъ при всей церемоніи ¹⁾. Патріархъ сидѣлъ на очень высокомъ тронѣ,

¹⁾ Такъ какъ посвященіе Пансіа Лигарида въ митрополита газскаго произошло 14 сентября, въ праздникъ Воздвиженія животворящаго креста, то подъ кускомъ хлѣба, который получилъ отъ Лигарида сэръ Базайръ, слѣдуетъ разумѣть такъ называемый «благословенный хлѣбъ», раздаваемый участникамъ всеобщаго богослуженія наканунѣ праздника. По уставу въ праздникъ Воздвиженія св. креста, на всеобщемъ бѣдніи полагается благословеніе хлѣбовъ, какъ въ двенадцатые праздники. Въ виду того, что праздникъ Воздвиженія св. креста имѣлъ особенное значеніе для Іерусалима, какъ мѣста обрѣтенія животворящаго древа, можно думать, что къ дню этого праздника для благословенія хлѣбовъ приготавливались особые хлѣбы, на подобіе пасхальнаго артоса, на которомъ, обыкновенно, и въ настоящее время изображается

со всѣхъ сторонъ покрытошъ богатыми турецкими коврами, ниже сидѣли митрополиты, еще ниже—епископы, архимандриты и пр. Во время службы Лигаридъ прочиталъ исповѣданіе вѣры, копію котораго онъ далъ мнѣ потомъ. Предъ своимъ посвященіемъ два или три раза онъ бросилъ подъ ноги изображеніе, на которомъ былъ представленъ городъ, стоящій на семи горахъ, а вверху двуглавый орелъ. Присутствовавшіе здѣсь латиняне были ужасно скандализированы этимъ, ибо они хорошо понимали, что этотъ городъ былъ Римъ, Послѣ посвященія я удалился въ дождь, общій для всѣхъ латинянъ, пребывавшихъ въ городѣ. Я пожелалъ раздѣлить свой хлѣбъ и дать его для всей компаніи: далъ папскому викарію, кордельерамъ и священникамъ, бывшимъ съ нами за столомъ; всѣ приняли съ удовольствіемъ. Но когда я пожелалъ дать его мірянамъ, то тѣ съ отвращеніемъ отказались, говоря, что это хлѣбъ схизматика Лигарида, который только что повергнулъ къ ногамъ городъ Римъ и его церковь. Послѣ обѣда папскій викарій, человекъ умный и искренній, вступилъ со мною въ бесѣду о призваніи святыхъ, и въ частности—св. Дѣвы, и когда я приводилъ ему мѣсто изъ св. Елифанія (Бирскаго), вошелъ Лигаридъ, прервавшій нашу бесѣду. Прежде всего онъ началъ просить общество не возмущаться тѣмъ, что онъ едѣлалъ. Его отговорка была довольно забавна, ибо онъ увѣрялъ насъ, что онъ менѣе всего думалъ о городѣ Римѣ, и что въ этомъ обрядѣ, который практикуется въ церкви греческой, выражается ничтожность міра, изображаемаго этимъ городомъ, а такимъ дѣйствіемъ—отреченіе отъ этого міра. Однако, это извиненіе не совсѣмъ хорошо было принято викаріемъ, который былъ слишкомъ уменъ для того, чтобы

Воскресеніе Христова, и самый хлѣбъ расписывается разными красками, золотомъ и серебромъ. Или же, можно еще предполагать, что благословенные хлѣбы имѣли форму просфоръ, на которыхъ, по обычаю, еще издавна установившемуся въ Іерусалимѣ, и теперь изображается Воскресеніе Христова. А для такого важнаго праздника, какъ Воздвиженіе честнаго креста, вѣроятно, просфоры приготовлялись и съ другими изображеніями священныхъ событій изъ земной жизни І. Христа, въ которыхъ наглядно выражалась важность самаго праздника Воздвиженія, какъ заключительнаго момента торжественнаго утвержденія христіанства во всемъ мірѣ.

довольствоваться этимъ. Послѣ ухода Лигарида, мнѣ говорили, что онъ былъ отъявленный *мицемъръ* (*insigne hypocrite*), и что въ то время, какъ онъ говорилъ такимъ образомъ, онъ *получалъ отъ папы ежегодный пенсіонъ*, что его пенсіонъ выплачивали очень исправно въ теченіе многихъ лѣтъ, но что на будущее время платить больше не будутъ“. „Вотъ кто таковъ Паисій Лигаридъ, заключаетъ Клодь. Я не стану болѣе высказывать сужденія на этотъ счетъ, и предоставлю читателямъ судить о значеніи подобнаго свидѣтеля“.

Познакомившись съ содержаніемъ письма маркиза де-Помпона къ А. Арно, легко можно замѣтить, что оно, помимо своего прямого назначенія, такъ сказать—утилитарнаго и случайнаго, какъ отвѣчающее на запросъ ученаго богослова, которому прежде всего было желательно знать, вѣрить ли русская церковь въ пресуществленіе св. даровъ, можетъ имѣть еще интересъ и для русскаго ученаго, если онъ жаждетъ знать дѣло великаго патріарха Никона, во всѣхъ его подробностяхъ, и особенно оно можетъ имѣть значеніе для того, кто захотѣлъ бы разработать совсѣмъ незатронутый въ нашей русской литературѣ вопросъ объ отношеніи иностранныхъ дворовъ къ дѣлу п. Никона. Въ письмѣ французскаго посланника мы видимъ одну такую подробность, которая довольно ясно показываетъ, что для иностранныхъ державъ было далеко небезразлично, какъ рѣшится дѣло русскаго патріарха, своимъ вліяніемъ подвигавшаго царя Алексѣя Михайловича къ великимъ предпріятіямъ, которыя причиняли серьезное безпокойство сосѣдямъ Россіи: Швеціи и Польшѣ. Съ другой стороны, письмо де-Помпона обнаруживаетъ, что онъ, какъ дипломатъ, понималъ все-таки больше въ политикѣ, чѣмъ въ дѣлахъ религіи.

Упомянувъ въ своемъ письмѣ о возникновеніи въ Московіи ереси (раскола), де-Помпонъ такъ опредѣляетъ сущность этой ереси, что только на Западѣ Европы, гдѣ о религіозныхъ дѣлахъ Россіи знали очень мало и многое представляли въ искаженномъ видѣ, судя только по сочиненіямъ Герберштейна, Олеарія, Іовія и др., могли дѣйствительно повѣрить, что въ 1667

году въ Москвитин была осуждена соборомъ ересь наподобіе иконоборческой. Конечно, де-Помпонъ и не претендуетъ особенно на то, чтобы считаться знатокомъ религіи русскихъ, о чемъ онъ скромно и заявляетъ въ концѣ своего письма. Однако, въ его письмѣ нельзя не примѣтить, что его интересовало положеніе религіозныхъ дѣлъ въ Москвѣ настолько, насколько эти дѣла могли имѣть значеніе для дипломатіи. Дѣло въ томъ, что тогда для Франціи было очень важно имѣть союзника, на случай войны съ общеевропейской лигой, которая собиралась противъ не въ жѣру воинственнаго Людовика XIV. Скоро обстоятельства показали, что эта предосторожность далеко излишняя. Когда Людовикъ XIV рѣшилъ окончательно завоевать Голландію, открывъ въ ней военныя дѣйствія въ 1673 году, то еще за нѣсколько лѣтъ до этой войны, маркизь де-Помпонъ получилъ спеціальное порученіе втѣнуть Швецію въ союзъ съ Франціей. „Де-Помпонъ, говорятъ Капфигъ, одинъ изъ способнѣйшихъ дѣятелей Франціи, уѣхалъ въ Стокгольмъ съ порученіемъ предложить субсидію, съ тѣмъ, чтобы 10,000 шведовъ были предоставлены въ распоряженіе Франціи, въ случаѣ, если всыхнетъ война въ Голландіи. Швеція же была поставлена тогда среди двухъ противоположныхъ системъ: съ одной стороны Конунгсмаркъ (шведскій посолъ во Франціи) предлагалъ посреднической нейтралитетъ, какъ единственное средство дать стокгольмскому двору мирное вліяніе (*importance pacifique*), съ другой стороны являлись наставленія де-Помпона, цѣль котораго была вовлечь Швецію въ наступательный и оборонительный союзъ съ Франціей“¹⁾. Дѣйствительно, де-Помпонъ успѣлъ побудить Швецію дать обязательство послать войска въ Германію на помощь французскимъ, такъ что въ 1674 году преемникъ де-Помпона, маркизь Исаакъ де-Фекьеръ, заставилъ Швецію исполнить данное обѣщаніе²⁾. Имѣя въ виду свою спеціальную миссію къ швед-

¹⁾ Careigne. Louis XIV et son gouvernement. Paris 1837, Partie I. p. 215.

²⁾ Маркизь де-Помпонъ былъ посланникомъ при шведскомъ дворѣ почти до конца 1672 г.; 24 сентября этого года на его мѣсто былъ назначенъ маркизь Isaac de Pas Feuquieres, который занималъ этотъ постъ впродолженіи 10 лѣтъ.

скому двору, де-Помпонъ въ своемъ письмѣ къ Арно не безъ радостнаго чувства сообщаетъ, что патріархъ русскій низложенъ окончательно, т. е. сталъ вполне безвреднымъ тотъ человѣкъ, который „втянулъ свою страну въ войну съ Швеціей и Польшей“, что и было поставлено ему въ вину на соборѣ, осудившемъ его. Значить, теперь уже нельзя ожидать, чтобы русскій царь самъ, по своей инициативѣ, рѣшился новой войной съ Швеціей нарушить тяжелыя для него условія кардисскаго мира ¹⁾. А если Швеція не грозитъ опасность съ этой стороны, то ничто не мѣшаетъ ей прикнудить къ союзу съ Франціей. Такимъ образомъ, хотя мимоходомъ, но довольно ясно, де-Помпонъ отмѣчаетъ въ своемъ письмѣ политическое значеніе патріарха Никона.

Остановившись только на одинъ моментъ на томъ, что въ письмѣ де-Помпона является случайнымъ извѣстіемъ, неимѣющимъ прямого отношенія къ спеціальной цѣли письма, хотя интереснымъ въ другомъ отношеніи, мы обратимъ теперь вниманіе на тѣ данныя, какія сообщаетъ де-Помпонъ о Паисіѣ Лигаридѣ, поскольку эта личность представляетъ для насъ главный интересъ.

Чтобы придать наибольшую достовѣрность свидѣтельству о вѣрованіи русской церкви въ догматы пресуществленія, маркизъ де-Помпонъ старается представить въ самомъ выгодномъ свѣтѣ личность свидѣтеля, газскаго митрополита Паисія Лигарида. Сообщивъ краткія свѣдѣнія о рожденіи и воспитаніи Лигарида, маркизъ де-Помпонъ, повидимому, съ особеннымъ намѣреніемъ подчеркиваетъ то обстоятельство изъ жизни митрополита газскаго, что онъ, по окончаніи своего образованія, прибылъ въ Константино-

---

¹⁾ Подобно де-Помпону и другіе представители иностранныхъ державъ полагали, что главнымъ виновникомъ войны Россіи съ Польшей и Швеціей былъ патр. Никонъ. Мейербергъ въ описаніи своего посольства въ Россію, въ 1662 году, слѣдующее говоритъ о причинахъ паденія Никона: «вѣроподобнѣе всего, паденіе патріарха приписываютъ его страсти къ новизнамъ и безпокойному его нраву, по коему вовлекъ онъ Россію въ войну сначала съ Польшей, а потомъ со Швеціей. Представленія враговъ его о томъ великому князю навлекли гнѣвъ сего послѣдняго на Никона». Баронъ Мейербергъ и путешествіе его по Россіи, изд. Аделунга. Спб. 1827.

поль и здѣсь былъ поставленъ митрополитомъ Газы палестинской. Изъ дальнѣйшей передачи свѣдѣній о Лигаридѣ въ письмѣ де-Помпона открывається, что онъ вовсе не былъ въ своей епархіи, а оставался въ Константинополѣ. Кроме того, де-Помпонъ отмѣняетъ еще ту подробность, что митрополитъ газскій не сидѣлъ въ Царьградѣ безъ всякаго дѣла, лишь выжидая лучшаго устройства своего матеріальнаго положенія, а напротивъ предался высокохристіанскому подвигу обращенія турокъ въ христіанство. Дѣло это онъ повелъ съ такимъ усиліемъ, что обратилъ на себя вниманіе турецкаго правительства и по сей причинѣ принужденъ былъ скрыться отъ, якобы, грозившаго ему гоненія.

Послѣдняя біографическая подробность изъ жизни Паисія Лигарида является настолько характерной, что, само собою, возникаетъ вопросъ, какой степени вѣроятія она заслуживаетъ?

Изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что Паисій Лигаридъ посвященъ въ митрополита газскаго не константинопольскимъ патріархомъ, а іерусалимскимъ — Паисіемъ. Объ этомъ говоритъ самъ Лигаридъ въ своей челобитной на п. Никона, поданной царю Алексію Михайловичу 17 декабря 1665 г. Высказавъ здѣсь, что Никонъ зоветъ его, Лигарида, „пришельцемъ, блуждающимъ архіереемъ, неимѣющимъ никакихъ грамотъ“, митрополитъ газскій говоритъ далѣе: „самъ Никонъ прежде призывалъ меня въ архіерейскомъ достоинствѣ, когда прислалъ мнѣ свою грамоту (въ 1662 году), а потомъ презрѣлъ меня, говоря, будто я не имѣю ставленой грамоты, а грамота у меня есть отъ іерусалимскаго патріарха, который постригъ меня въ монахи, поставилъ потомъ и митрополитомъ въ святилищѣ св. гроба Господня“¹⁾. Нѣсколько раньше, именно по дѣлу Бобарыкина, Лигаридъ тоже имѣлъ случай заявить о себѣ, кто онъ такой. Изъ всѣхъ слѣдователей по этому дѣлу, явившихся въ Воскресенскій монастырь, Никонъ со всѣми не хотѣлъ принять только Паисія Лигарида до тѣхъ поръ, пока онъ не представитъ своихъ ставленныхъ грамотъ. Въ отвѣтъ на оскорбительныя замѣчанія Никона, Лигаридъ сказалъ: „а

¹⁾ Исторія русской церкви и. Макарія. т. XII, стр. 520.

что ты называешь меня самоставленникомъ, за это ты мѣсть прі-
 нмешь отъ Бога: я поставленъ отъ іерусалимскаго патріарха Паисіа,
 и ставленая грамота за его рукою у меня есть; я бы тебѣ ее
 показалъ, если бы ты былъ на патріаршемъ престолѣ¹⁾).

Если не всегда можно вѣрить показаніямъ Лигарида о саможъ
 себѣ, то въ данномъ случаѣ онъ говоритъ совершенную правду,
 потому что его слова подтверждаются въ точности лицами, кото-
 рыхъ нельзя заподозрить въ намѣренномъ искаженіи истины. Нашъ
 извѣстный паломникъ XVII вѣка, Арсеній Сухановъ, посланный
 на Востокъ для ознакомленія съ существующими у грековъ бо-
 гослужебными чинослѣдованіями, въ своемъ „Хожденіи іеруса-
 лимскомъ“ упоминаетъ о томъ, что ему случилось быть воспри-
 емнымъ отцомъ Лигарида, при его постриженіи въ монашество въ
 Іерусалимѣ. Арсеній Сухановъ отправился на Востокъ вѣдѣть
 съ патріархомъ іерусалимскимъ Паисіемъ, съ которымъ они направи-
 лись свачала въ Молдавію, куда и прибыли въ іюнь 1649
 года. Въ Іерусалимѣ Сухановъ прибылъ не ранѣе 6 октября 1651
 года; на пути нѣсколько недѣль онъ провелъ на о. Хіосѣ, отечест-
 вѣ Лигарида, и подробно описалъ жизнь тамошнихъ грековъ и
 латинянъ. „Въ Іерусалимѣ, пишетъ Арсеній, 16 ноября (1651 г.),
 въ недѣлю, патріархъ служилъ въ церкви Воскресенія Христова.
 Того же дня послѣ заутрени, самъ патріархъ постригъ Лигарида
 и далъ подъ началъ Арсенію, и, призвавъ Арсенія, говорилъ,
 чтобъ его держать подъ началомъ крѣпко, какъ держать на
 Москвѣ въ великихъ монастыряхъ“²⁾). Самъ патр. Никопъ, же-
 лавшій и старавшійся знать всѣ мелочи изъ жизни Лигарида,
 сказалъ о немъ: „а вѣдаю я про то подлинно, что онъ (Паисій)
 рукоположеніемъ посвященъ въ митрополиты цареградскихъ (свято-
 градскихъ—іерусалимскихъ) патріархомъ Паисіемъ“³⁾). Сверхъ того,
 о мѣстѣ посвященія Лигарида въ митрополиты имѣется свидѣтель-
 ство и самого константинопольскаго патріарха, ближайшаго преем-

¹⁾ Гиббенегъ. Историческое изслѣдованіе дѣла п. Никона. Часть II, стр. 61.

²⁾ «Христ. Чт.» 1883 г. ноябрь—декабрь.

³⁾ Ист. Рус. Ц. м. Макарія, т. XII, стр. 64.

ника того патріарха, при котромъ Лигаридъ былъ въ Константинополѣ. На запросъ посланнаго къ восточнымъ патріархамъ Саввы, келара Чудова монастыря, кто таковъ Паисій Лигаридъ, и дѣйствительно ли онъ уполномоченъ быть представителемъ (экзархомъ) константинопольскаго патріарха, тогдашній патріархъ константинопольскій Діонисій отвѣтилъ: „Паисій Лигаридъ лоза не константинопольскаго престола, а я его православнымъ не называю, ибо слышу отъ многихъ, что онъ напечникъ, лукавый человекъ“ ¹⁾. Въ рендант къ свидѣтельству п. Діонисія можно указать и другое, тоже идущее изъ комитентнаго источника. Когда на московскомъ соборѣ 1666—7 года было прочитано письмо патр. Никона, въ котромъ онъ обвинялъ Паисія Лигарида во многихъ и тяжкихъ преступленіяхъ, а главное—назвалъ его „блуждающимъ архіереемъ, безъ ставленныхъ грамотъ, то на защиту Лигарида выступилъ антиохійскій патр. Макарій и сказалъ: „газскій митрополитъ въ дьяконы и помы ставленъ въ Іерусалимѣ, а не въ Римѣ, я про то подлинно знаю“ ²⁾. Наконецъ, второй преемникъ п. Паисія на іерусалимской кафедрѣ, п. Доспеей отлично зналъ, что Лигаридъ былъ посвященъ именно въ Іерусалимѣ. На основаніи несомнѣнной достовѣрности этого факта, п. Доспеей высказываетъ даже претензію бывшему константинопольскому патріарху Паренію IV за то, что онъ далъ запрещенному Паисію Лигариду удостовѣрительную грамоту для проѣзда въ Россію, въ которой Лигаридъ получилъ титулъ іерусалимскаго Предтѣчева монастыря митрополита. Въ своей грамотѣ къ Алексію Михайловичу, написанной въ 1669 году, по поводу просьбы царя о прощеніи и разрѣшеніи митрополита газскаго Лигарида, п. Доспеей писалъ: „вселенскій, государь, патріархъ не имѣеть никакова дѣла до Ерсоалимскаго престола и надъ архіереями ничего чинить не можетъ, только отлученіе и гнѣвъ Божій для согрѣшенія нашего бы. Вселенскаго престола бывший патріархъ Парфеній человекъ—ненаказанный и неученный, неразумяющій законному правилу, ни соборныхъ каноновъ и служеніямъ,

¹⁾ Гиббенетъ. Ч. II, стр. 893.

²⁾ Н. И. Субботинъ. Дѣло патр. Никона. Москва, 1862, стр. 157.

ни церковныхъ чиновъ ученъ былъ и пространилъ руку свою, гдѣ ему не дано бысть... а газекій митрополитъ отъ вселенскаго патріарха не имѣеть никакого доученія, для чего вселенскій патріархъ по срытымъ и священнымъ законамъ не имѣеть власти въ Ерусалимской области, не токмо архіереи, но и діакона не отлучить и не простить, а что онъ Парфеній учинилъ газекскому митрополиту, учинилъ яко ненаученый и неграмотной“¹⁾). Такимъ образомъ, въ виду столькихъ компетентныхъ свидѣтельствъ о посвященіи Лигарида іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ, извѣстіе де-Помпова о посвященіи его въ Константинополь является недостовернымъ. Свидѣтельство же сѣра Базайра, бывшаго въ Іерусалимѣ, при посвященіи Лигарида въ митрополита газекаго, устраняетъ всякое сомнѣніе относительно этого факта²⁾).

По связи съ первымъ фактомъ, возбуждается серьезное сомнѣніе относительно второго, т. е., будто бы, во время своего пребыванія въ Константинополь, Лигаридъ усердно занимался обращеніемъ турокъ

¹⁾ Записки отдѣленія русской и славянской археологіи русскаго археолог. общества. Спб. 1861. т. II, стр. 605.

²⁾ М. Евгеній въ своемъ «Словарѣ писателей духовнаго чина» (т. II, стр. 145, изд. 1827 г.) говоритъ, что Паисій Лигаридъ до своего возведенія въ архіерейскій санъ былъ протоіереемъ въ Іерусалимѣ, потомъ принялъ монашество и былъ посвященъ на митрополию въ Солунь, откуда переведенъ въ Газу палестинскую. Вслѣдъ за нимъ тоже повторили Субботинъ, Соловьевъ, Гиббонетъ и др. На само же дѣло свидѣтельства Арсенія Суханова и сѣра Базайра не даютъ никакихъ основаній для допущенія мысли, что Лигаридъ, до посвященія въ монашество, былъ протоіереемъ въ Іерусалимѣ, или, что, по принятіи монашества, онъ сразу былъ поставленъ митрополитомъ солунскимъ. Какъ можно видѣть изъ показаній Суханова, Лигаридъ въ *первый разъ* побѣжалъ въ Іерусалимъ только съ п. Паисіемъ Іерусалимскимъ въ 1651 году. До этого же времени онъ пребывалъ въ Молдавіи, а еще раньше, по окончаніи курса наукъ въ грегорианской коллегіи, въ Константинополь. Слѣдовательно, никакъ нельзя допустить, чтобы Лигаридъ имѣлъ даже только номинальный титулъ іерусалимскаго протопопа. Что же касается его первоначальнаго посвященія въ солунскаго митрополита, то оно могло бы быть допущено единственно при томъ условіи, если признать, что свое посвященіе Лигаридъ получилъ отъ константинопольскаго патріарха, отъ котораго Солунь зависитъ въ іерархическомъ отношеніи. Но изъ свидѣтельства сѣра Базайра, которому нельзя отказать въ полной достовѣрности, извѣстно, что Лигаридъ былъ посвященъ въ митрополиты въ Іерусалимѣ патріархомъ Паисіемъ 14 сентября 1652 г.

въ христіанство. Опровергая это извѣстіе только а ргіогі, можно сказать, что Лигаридъ былъ не настолько равностный представитель своей религіи, чтобы, въ виду ясно сознаваемой опасности, занялся такимъ дѣломъ, которое угрожало страшными послѣдствіями не ему только одному, а и константинопольскому патріарху. Даже желаніе приобрести расположеніе патріарха не могло подвигнуть Лигарида на такой рискъ, тѣмъ болѣе, что Лигаридъ не могъ рассчитывать извлечь изъ этого дѣла какую либо матеріальную выгоду, которая всегда стояла у него на первомъ планѣ. Въ доказательство можно сослаться на то, что Лигаридъ дѣйствительно былъ нѣкоторое время миссіонеромъ, но только нѣсколько иного сорта. О первоначальной дѣятельности Паисія Лигарида, по окончаніи образованія въ римскихъ школахъ, мы имѣемъ свѣдѣнія отъ Льва Алляція, извѣстнаго отступника отъ православія и писателя римской церкви, школьнаго товарища Лигарида. Въ февралѣ 1645 года Левъ Алляцій писалъ къ своему другу Бартольду Нигузію: „Панталеонъ Лигаридъ (мірское имя Паисія), три года тому назадъ, удалился изъ Рима въ Константинополь, для посѣщенія своего отечества, Хіуса, и для распространенія въ той странѣ римской вѣры. Но по достовѣрнымъ извѣстіямъ, дѣло Панталеона колеблется при патріархѣ, только что возведенномъ еретиками на эту кафедру (константинопольскую). О если бы это путешествіе удалось ему (*Utinam bene cedat illi profectio!*) пожелалъ отъ всей души Л. Алляцій ¹⁾. Надобно имѣть въ виду, что Лигаридъ отправился на родину и посѣщалъ Константинополь въ то время, когда для его миссіи былъ еще довольно удобный моментъ. Послѣ Кирилла Веррійскаго, бывшаго орудіемъ въ рукахъ іезуитовъ, вступилъ на престолъ константинопольскій (съ 4 іюля 1639 г.) митрополитъ адрианопольскій, подъ именемъ Парвенія I. Этотъ патріархъ, если и не былъ преданъ іезуитамъ и интересамъ католичества, то во всякомъ случаѣ, видя предъ собою печальный примѣръ борьбы Кирилла Лукариса съ іезуитами, не обнаруживалъ

¹⁾ L. Allatii. De Ecclesiae occidentalis atque orientalis perpetua consensione. Colon. 1654.

достаточнаго сопротивленія латинской пропагандѣ среди грековъ, которая, по смерти своего опаснаго врага, п. Кирилла Лукариса, уже смѣле могла раскинуть свои сѣти. Такимъ образомъ, Писсій Лигаридъ, прибывъ въ Константинополь при Паревнѣ I, могъ удобно предаться своимъ миссіонерскимъ цѣлямъ, хотя, къ великому сожалѣнію Алляція, ему пришлось очень недолго пробовать свои силы на указанномъ поприщѣ. Преемникъ Паревнѣ I, Паревнѣ II (съ 10 декабря 1644 г.) своимъ характеромъ напоминалъ Кирилла Лукариса и, въ своей дѣятельности, рѣшилъ руководиться примѣромъ этого патріарха. Іезуиты опять почувствовали себя стѣсненными въ стремленіяхъ къ пропагандѣ. Естественно, что и Писсій Лигаридъ находилъ свое положеніе при новомъ патріархѣ довольно неудобнымъ, а отчасти даже опаснымъ. Подобно Алляцію, онъ волей-неволей долженъ былъ убѣдиться, что его миссія наступаетъ конецъ. Какъ человекъ благоразумный, вполне понимающій свои интересы, при Паревнѣ II Лигаридъ удалился изъ Константинополя и направился въ Молдавію и Валахію ¹⁾, страны, служившія тогда притономъ всѣхъ бродячихъ грековъ, успѣвавшихъ находить здѣсь прибѣжище, покой, а иногда полное довольство. Въ началѣ 50 годовъ XVII вѣка мы видимъ Лигарида на службѣ у таргумецкаго митрополита Стефана. вмѣстѣ съ своимъ соотечественникомъ Игнатіемъ Петрици онъ занимался приготовленіемъ къ изданію на румынской языкъ Коричей, переведенной съ греческаго ²⁾. Затѣмъ, Лигаридъ становится дидакаломъ лескаго придворнаго училища, въ каковой должности засталъ его іерусалимскій патріархъ Писсій, прибывшій въ Молдавію изъ Москвы вмѣстѣ съ Арсеніемъ Сухановымъ. Въ своемъ сочиненіи „Пренія съ греками о вѣрѣ“ Сухановъ говоритъ о Лигаридѣ, что 24 апрѣля 1650 года въ спорѣ Арсенія съ греками о крестномъ знаменіи изъ свиты патріарха одинъ только Лигаридъ призналъ Арсенія правымъ. Въ этомъ интересномъ спорѣ Арсеній старался доказать справедливость двурестнаго сложенія ссылками на Феодоритово

¹⁾ О томъ, прямо ли онъ прибылъ сюда изъ Константинополя, будетъ сказано ниже.

²⁾ Прибавленія къ Твореніямъ св. отцевъ, т. XXIX, стр. 136.

слово. Выслушавъ доказательства Арсенія: „дасколь Лигоридій (будто бы) сказалъ всѣмъ имъ (грекамъ): добро у нихъ такъ, еще и лучши нашего“. А когда патріархъ, „призвавъ къ себѣ дида-скала Лигоридія“, просилъ его, „чтобъ онъ прискалъ отъ писа-ній святыхъ о крестномъ знаменіи на оправданіе имъ, то дасколь говорилъ: немочно сыскати такого оправданія, и патріархъ на него кручинилса“¹⁾). Изъ Молдавіи, какъ мы уже знаемъ, Ли-гаридъ уѣхалъ вмѣстѣ съ п. Пансіемъ въ Іерусалимъ, гдѣ и былъ постриженъ въ монашество 16 ноября 1651 года. Если только рассказъ Арсенія Суханова о „преніи“ съ греками въ данномъ мѣстѣ не страдаетъ искаженіемъ факта, передаетъ его объективно и вовсе чуждъ тщеславнаго желанія диспутанта при-писать себѣ побѣду, то и здѣсь мы можемъ видѣть, что Лига-ридъ, по личнымъ соображеніямъ, всегда могъ стать не на ту сторону, гдѣ находится истина, а туда, гдѣ для него открыва-ется интересъ, близкій или только отдаленный. Впослѣдствіи, какъ извѣстно, Лигаридъ обратился къ протекціи Суханова и просилъ рекомендовать его патріарху Никону. Арсеній Сухановъ исполнилъ просьбу Лигарида, такъ что еще въ 1657 году Ни-конъ предлагалъ Лигариду пріѣхать въ Россію. Посему весьма вѣроятнымъ представляется, что Лигаридъ въ преніи Арсенія съ греками принялъ сторону первого потому, что надѣялся чрезъ него проникнуть въ Московію, которая представлялась грекамъ землей обѣтованной. Впрочемъ, рассказу Суханову нельзя вѣрить безусловно, даже въ виду того обстоятельства, что, когда патріархъ предло-жилъ ему вести диспутъ о крестномъ знаменіи „съ дидакаломъ Лигоридіемъ, или съ дидакаломъ митрополитомъ Власіемъ“, то онъ отказался наотрѣзъ, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что эти люди „науки высокой, говорятъ съ ними о правдѣ не умѣю, по-неже у нихъ такова наука: тшатся они не истину сыскать, но только бы перетягати и многословіемъ истину зямать, на то они тшатся, и наука у нихъ такова езуитская... а въ латынской наукѣ много лукавства, а истину лукавствомъ сыскать не мочно“.

¹⁾ «Христ. Чт.» 1883 г. ноябрь—декабрь, стр. 70 и слѣд.

Такимъ образомъ, Паисій Лигаридъ дѣйствительно пребывалъ въ некоторое время въ Константинополь, но только занимался тамъ далеко не тѣмъ, что приписываетъ ему де-Помпонъ. Въ послѣдствіи подвиги Лигарида на своей родинѣ, о. Хиосѣ, и въ Константинополь стали извѣстны патріархамъ константинопольскому и іерусалимскому. Діонисій константинопольскій не считалъ Лигарида православнымъ и называлъ его „папезникомъ“. Но особенно замѣчательнъ отзывъ о его подвигахъ на пользу латинской пропаганды патріарха іерусалимскаго Досифея. Послѣдній въ своемъ письмѣ къ Лигариду, присланномъ ему вѣстѣ съ разрѣшительной грамотой, которая была выпрошена гаскому митрополиту усиленнымъ ходатайствомъ самого царя Алексѣя Михайловича, писалъ ему: „если бы не было ходатайства святаго царева, увѣдалъ бы святительство твое, Лигаридій? и кто только имянемъ вѣруеть въ божественный промыселъ, тотъ ли, кто работаетъ для *папезей хійскихъ* и оставилъ 15 лѣтъ паству безъ пастыря, или кто полагаетъ душу свою за овцы?“¹⁾

На основаніи всѣхъ приведенныхъ фактовъ получается довольно опредѣленное заключеніе относительно „турецкой“ миссіи Лигарида. Остается предположить, что Паисій Лигаридъ, съ цѣлью возвышенія собственной личности въ глазахъ иностранцевъ, сообщилъ г. Лиліенталю завѣдомо ложныя свѣдѣнія о своей предшествующей жизни и представилъ свои блужданія по разнымъ странамъ чуть не мученичествомъ за вѣру. Понятно, что ни Лиліенталю, ни де-Помпону не было никакой необходимости проверять истину словъ Паисія, особенно въ виду того, что человекъ, рѣшившійся страдать за вѣру, конечно, никогда не дерзнетъ дать ложнаго удостовѣренія насчетъ какого-либо пункта содержания имъ вѣроисповѣданія. А это и было важно выставить на видъ протестантамъ, которые очень сомнительно относились къ свидѣтельствамъ съ Востока о догматѣ пресуществленія и прямо говорили (напр., пасторъ Клодъ), что подобныя свидѣтельства докупаются г. Арно и К° за деньги

¹⁾ Каптеревъ. Характеръ отношеній Россіи къ востоку въ XVI и XVII в. Москва, 1885, стр. 199.

Изъ приведенной въ письмѣ де-Помпона краткой біографіи Паисія Лигарида представляется интереснымъ еще и то, что, по увѣренію де-Лиліенталя, „никто другой въ Московіи не имѣлъ такой репутаціи и такихъ познаній“, какими обладалъ митрополитъ газскій, что „онъ находится въ большомъ уваженіи при дворѣ“ московскомъ, что, наконецъ, *только незнаніе русскаго языка помѣшало* митрополиту газскому быть избраннымъ въ патриархи на мѣсто низложеннаго Никона.—Чтобы оцѣнить по достоинству значеніе послѣдняго сообщенія маркиза де-Помпона, посмотримъ сначала, дѣйствительно ли Паисій Лигаридъ занималъ экстраординарное положеніе при московскомъ дворѣ, чтобы видѣть отсюда, насколько справедливо извѣстіе о кандидатурѣ Лигарида въ патриархи московскіе.

Въ исторіи низложенія п. Никона русская историческая наука уже достаточно выяснила вопросъ объ участіи въ этомъ дѣлѣ митрополита газскаго. Вскорѣ же послѣ своего пріѣзда въ Россію, въ мартѣ 1662 года, Паисій Лигаридъ быстро ориентировался въ тогдашнемъ положеніи церковныхъ дѣлъ въ Россіи и открыто принялъ сторону царя противъ п. Никона. „Съ того времени, говоритъ м. Макарій, когда Паисій основательно доказалъ собору русскіхъ іерарховъ, что Никонъ не имѣетъ никакого права переносить своего дѣла на судъ папы, и что онъ подлежитъ суду константинопольскаго патриарха, съ этого, именно, времени молва о Паисіѣ Лигаридѣ разнеслась по всему царскому дворцу, и Паисій очень часто былъ приглашаемъ членами царскаго синклита для совѣщаній по дѣлу Никона¹⁾. По его совѣту, въ концѣ 1662 года царь рѣшился пригласить восточныхъ патриарховъ для суда надъ Никономъ. „По своему уму, образованію, знанію церковныхъ канонѣвъ, говоритъ далѣе м. Макарій, и находчивости, Паисій скоро сдѣлался главнымъ совѣтникомъ въ дѣлѣ Никона и предъ лицомъ государя, и въ думѣ боярской, и въ собраніяхъ архіереевъ, и въ сношеніяхъ государя, и его перепискѣ съ восточными патриархами — самымъ довѣреннымъ лицомъ, какъ-бы правою его рукою

¹⁾ Ист. Рус. Ц. м. Макарія, т. XII, стр. 389.

или домашнимъ секретаремъ“¹⁾). Дѣйствительно, Лигариду приходилось брать на себя самыя щекотливыя порученія по дѣлу патр. Никона, и нельзя не удивляться, съ какою ловкостью митрополить газскій велъ объясненія съ суровымъ и непреклоннымъ патриархомъ, напр. по дѣлу Бобарыкина. Митрополить газскій самимъ царемъ былъ поставленъ во главѣ посольства, отправленнаго къ Никону въ Воскресенскій монастырь по дѣлу Бобарыкина, какъ человекъ „учевѣйшій и способный давать прямыя отвѣты вопрошающему“²⁾). Патриархъ Никонъ, сначала рассчитывавшій видѣть въ Лигаридѣ дѣятельнаго и способнаго помощника себѣ и своему дѣлу, скоро понялъ, что онъ обманулся и пріобрѣлъ въ Лигаридѣ не преданнаго друга, а злѣйшаго врага. Опальный патриархъ замѣтилъ (да и самъ Лигаридъ не считалъ нужнымъ скрывать это), что хитрый и корыстолюбивый грекъ сразу же перешелъ на ту сторону, отъ которой онъ рассчитывалъ получить побольше выгодъ. Въ теченіе трехлѣтняго пребыванія Лигарида въ Россіи, для Никона стало уже совершенно яснымъ, что греческій „пришелецъ“ сдѣлался для царя твердымъ оплотомъ въ приведеніи дѣла русскаго патриарха къ окончательному низложенію послѣдняго. Въ своемъ посланіи къ цареградскому патриарху Діонисію Никонъ писалъ въ 1666 году: „и не вѣдаю, откуда такой злому совѣту боритель надо мною случился и Божіихъ заповѣдей и святыхъ апостолъ и св. отецъ сопротивникъ обрѣтется, и именуется митрополитомъ газскимъ, Лигаридъ Паисій. Онъ *царское величество* на вся и злосовѣтниковъ на мя возстави... И якоже писахомъ къ царскому величеству, яко не подобаетъ пріимати таковыхъ безъ свидѣтельства... и ни во что бѣ писаніе наше, токмо царь его слушаетъ и аще что речеть, якоже отъ устъ Божіихъ слушаетъ его во всемъ и якоже *пророка Бжія* почитаетъ его... И егда повелѣніемъ царскимъ бываетъ соборъ, якоже въ нашей странѣ обрѣтается, тогда того газскаго предсѣдателемъ почитаетъ... и онъ судъ творить на мя за очи и ложь всякихъ зло-

¹⁾ Ист. Рус. Ц. м. Макарія т. XII, стр. 433 и 522.

²⁾ Ibid. стр. 450.

дѣйствительныхъ человекъ, что ему глаголютъ, вѣрять, и совѣтожь его възвущуть на насъ ¹⁾. Затѣмъ въ объясненіи по дѣлу Сытина Никонъ писалъ царю: газскій митрополитъ, по *указу государеву*, на меня пишегъ и пужаетъ, да у меня есть его тетрадь, и я дамъ ему отвѣтъ во всемъ не только правилами, но и Евангеліемъ“ ²⁾. Видя, что Паисій Лигаридъ истощаетъ всѣ силы своего ума и діалектики для окончательнаго ниспроверженія Никона, послѣдній не щадилъ выраженій, чтобы узидать и подорвать кредитъ Лигарида въ глазахъ государя и русскаго духовенства. Достаточно прочесть объясненія Никона съ Лигаридомъ, чтобы видѣть, до какой степени патріархъ публично оскорблялъ митрополита газскаго.

Съ другой стороны, несомнѣнно, что Паисій Лигаридъ былъ отличнымъ орудіемъ въ рукахъ боярскаго партіи, стремившейся низложить и. Никона. Составленные Паисіемъ „отвѣты“ на вопросы боярина Стрѣшнева служатъ нагляднымъ тому доказательствомъ. Затѣмъ, мѣсяца три или четыре послѣ того, какъ Паисіемъ Лигаридомъ составлены были отвѣты на вопросы Стрѣшнева, въ одинъ изъ дней Филеппова поста, тотъ же Паисій, какъ онъ самъ говоритъ, „приглашенъ былъ частнымъ образомъ думными боярами и спрошенъ: какимъ образомъ церкви избавиться отъ столь продолжительнаго вдовства, ибо постыдно ей быть безъ пастыря“, подалъ мысль на этотъ вопросъ отправить грамоты по дѣлу Никона къ восточнымъ патріархамъ ³⁾. Никонъ зналъ и принималъ во вниманіе и это обстоятельство, доказывая іерусалимскому патріарху Нектарію, что вся ссора его съ царемъ произошла единственно по вину бояръ, и что дѣло едва ли кончится примиреніемъ, если только бояре будутъ постоянно вліять на царя черезъ посредство митрополита газскаго. Какъ ни мало былъ чувствителенъ Лигаридъ къ укорамъ совѣсти за свое поведеніе въ отношеніи патріарха, однако онъ слишкомъ дорожилъ вниманіемъ

¹⁾ Записки отдѣленія рус. и слав. археол. Импер. Русск. археол. общества. Москва, 1861 г., т. 2, стр. 520.

²⁾ Ист. Рус. Ц. м. Макарія, т. XII стр. 447.

³⁾ И. Р. Ц. м. Макарія, т. XII, стр. 433.

царя къ своей особѣ и потому считалъ своимъ долгомъ оправдаться предъ царемъ во многихъ „клеветахъ“ Никона, и между прочимъ— на особенно старался очистить себя отъ упрековъ за преданность и услужливость боярамъ. Въ челобитной, поданной Алексѣю Михайловичу 17 декабря 1665 г., Паисій Лигаридъ просилъ его, чтобы на основаніи грамоты константинопольскаго патріарха Діонисія, незадолго предъ тѣмъ присланной (и оказавшейся потомъ подложною), торжественно, предъ лицомъ собора, снялъ съ него клеветы, возведенныя Никономъ. Здѣсь Лигаридъ говоритъ о себѣ: „пришельцемъ и блуждающимъ архіереемъ зоветь меня Никонъ, неимѣющимъ никакихъ грамотъ. Но и святѣйшій патріархъ іерусалимскій, приславшій сюда столько грамотъ, никогда не писалъ обо мнѣ такихъ неистовствъ и не объявлялъ меня предъ вашимъ величествомъ, хотя и знаетъ, что я не расположенъ къ Никону. Архидіаконъ патріарха, Діонисій, хотя и говоритъ въ своемъ листѣ, что я держусь боярской стороны и составляю отъ имени государя грамоты, которыми будто бы способствую къ окончательному паденію восточной церкви, но почему же не написано, что я еретикъ и блуждающій безъ грамотъ?“¹⁾ Въ данномъ случаѣ Паисій Лигаридъ не особенно настаиваетъ на обвиненіи въ приверженности боярской партіи (упомявая объ этомъ только мимоходомъ) и, такъ, сказать, tacite согласенъ, что это обвиненіе можетъ имѣть свои основанія. Но, что за важность, если при этомъ приходится выслушивать обвиненія болѣе тяжелаго свойства, какъ, напр., въ еретичествѣ и самозванствѣ? Конечно, послѣднее несравненно обиднѣе, и если этого послѣдняго никакъ доказать нельзя, то само собою надасть (по крайней мѣрѣ формально) и первое обвиненіе. Такъ печаловался на свои обиды Паисій Лигаридъ, хотя, чувствуя подъ собою твердую почву, не особенно стремился основательно опровергать, якобы, „клеветы“ на него патр. Никона.

Мы знаемъ, что Лигаридъ сыгралъ свою роль до конца. Когда настало время суда восточныхъ патріарховъ надъ Никономъ, то и тогда газскій митрополитъ не упустилъ случая занять подобаю-

¹⁾ И. Р. Ц. и. Макарія, т. XII, стр. 519.

шее себѣ мѣсто въ самомъ процессѣ суда. Сами восточные патріархи просили царя о томъ, чтобы къ нимъ былъ прикомандированъ „одноязычный“ съ ними Паисій Лигаридъ, какъ человекъ, могущій сообщить судьямъ всѣ подробности дѣла. Просьба ихъ была удовлетворена, и нужно полагать, что, благодаря Лигариду, на тайныхъ засѣданіяхъ, предшествовавшихъ публичному суду надъ Никономъ, восточные патріархи привади такое твердое и рѣшительное направленіе въ судъ надъ Никономъ, хотя лично Лигаридъ и не выступалъ обвинителемъ осужденнаго патріарха ¹⁾.

Если, такимъ образомъ, въ отношеніи вліянія Паисія на царя, Алексѣя Михайловича, письмо де-Помпона даетъ совершенно вѣрное свѣдѣніе, то какъ теперь отнестись къ тому, что составляетъ какъ бы выводъ изъ достаточно удостовѣренной посылки, т. е. что митрополитъ газскій „вѣроятно былъ бы выбранъ на мѣсто низложеннаго патріарха“, если бы только зналъ языкъ страны московской? Въ данномъ вопросѣ можно сдѣлать два предположенія, почти одинаково вѣроятныхъ. Во 1-хъ, или же де-Помпонъ сообщаетъ заведомо вымышленное извѣстіе для возвышенія авторитета Паисія, чтобы тѣмъ придать больше цѣны его свѣдѣтельству о догматѣ пресуществленія въ русской церкви, или же, во 2-хъ, шведскій резидентъ при московскомъ дворѣ, г. Лиленталь, отъ котораго де-Помпонъ получилъ свѣдѣнія о Лигаридѣ, стоялъ настолько близко къ дѣламъ московскимъ, что могъ знать желанія различныхъ партій относительно избранія новаго патріарха. Въ пользу второго предположенія можно представить слѣдующія соображенія. Паисій Лигаридъ, какъ мы видѣли, своею ловкостію, умомъ, а также стеченіемъ обстоятельствъ занялъ при дворѣ очень выгодное, прочное и вліятельное положеніе. И царь и бояре весьма благоволили къ газскому митрополиту, награждая его деньгами и подарками. Принимая во вниманіе это, можно сомнѣваться въ томъ, что Паисій Лигаридъ, при своемъ громадномъ честолюбіи, совсѣмъ таки и не думалъ о патріаршемъ мѣстѣ. За это, повидимому, говоритъ челобитная, поданная царю Паисіемъ 17 декабря 1665 г.,

¹⁾ Субботинъ. Дѣло п. Никона

въ которой онъ просить царя отпустить его совѣсть домой. Въ заключеніи своей челобитной Паисій, приводя слова Симеона Богоприимца: „нынѣ отпускаеши раба твоего, Владыко“... писалъ: „державъ и я, недостойный, сказать: нынѣ отпускаеши раба твоего, благочестивѣйшій царь, прежде нежели собрался соборъ помѣстный, не говорю еще вселенскій, на который ожидаются вселенскіе патріархи. Повстинѣ, я пришелъ сюда не для преній и не для суда надъ патріархомъ Никономъ, а только ради великаго долга моей епархіи, и получилъ щедрую твою милостыню, половину которой укралъ у меня воръ Агаангелъ... Отпусти меня, пока не съѣхался въ царствующій градъ Москву соборъ вселенскій, чтобы мнѣ poradѣть о душѣ своей... Не могу болѣе служить твоей святой палатѣ, отпусти раба твоего, отпусти“...¹⁾ Въ приведенныхъ словахъ Паисія, подъ покровомъ смиренія и полной незаинтересованности, прямо бьетъ въ глаза хитрый расчетъ и себя оправдать и царю показать, что безъ дальнѣйшаго участія митрополита газскаго дѣло Никона едва ли придетъ къ желанному концу. Такъ повялъ это и самъ Алексѣй Михайловичъ, не исполнившій усиленной просьбы Паисія объ отпускѣ домой и удержавшій его въ Москвѣ. Пока дѣло Никона не кончилось, весьма вѣроятно, что Лигаридъ за свои услуги царю ожидалъ отъ него чего либо большаго, чѣмъ простая милостынная дача, хотя бы то и очень солиднаго количества. Кромѣ того, Лигаридъ не могъ, конечно, не знать, что при учрежденіи русскаго патріаршества, константинопольскій патріархъ Іеремія едва не попалъ въ русскіе патріархи, хотя русскимъ на первыхъ порахъ вовсе нежелательно было имѣть своимъ патріархомъ грека. Теперь же, при изложеніи Никона, обстоятельства были другія. Алексѣй Михайловичъ могъ легко замѣтить, что Паисій Лигаридъ по характеру своему прямой контрастъ Никону, такъ что онъ могъ даже благосклонно выслушивать намеки бояръ, друзей Лигарида, намеки такого сорта, что изъ митрополита газскаго могъ бы выйти отличный патріархъ русскій. Во всякомъ случаѣ, въ придворныхъ сферахъ могла легко

¹⁾ И. Р. Ц. ж. Макарія, т. XII, стр. 520.

создаться кандидатура Паисія въ патриархи, хотя она и не могла имѣть на своей сторонѣ сочувствія ни восточныхъ патриарховъ, ни тѣмъ болѣе русскихъ іерарховъ. Такимъ образомъ, шведскій резидентъ Лиліенталь, который въ виду политическихъ соображеній не безразлично относился къ вопросу о низложеніи Никона и избраніи на его мѣсто новаго патриарха, но крайней мѣрѣ долженъ былъ прислушиваться, чтò говорятъ въ тѣхъ или другихъ вліятельныхъ придворныхъ кружкахъ по поводу избранія новаго патриарха. А такъ какъ Паисій былъ дорогъ двору, то для Лиліентала совсѣмъ не безынтересно было знать, попадетъ ли митрополитъ газскій въ патриархи или нѣтъ. Если Паисія выберутъ патриархомъ, то (могъ думать Лиліенталь) Швеція можетъ быть спокойною въ томъ отношеніи, что изъ духовныхъ сферъ не послѣдуетъ вліянія на царя, съ побужденіемъ начать новую войну съ этой страной. Самъ же Лигаридъ, какъ видно изъ письма де-Пожона, имѣлъ сношенія съ иностранцами, живущими въ Москвѣ. Насколько далеко простирались его отношенія къ нимъ, трудно опредѣлять. По крайней мѣрѣ можно сказать навѣрное, что ни одинъ тогдашній русскій іерархъ не далъ бы иностранцу такого сертификата о взрваніи русской церкви въ догматы пресуществленія, какой передалъ Паисій Лигаридъ г. Лиліенталу. Лигаридъ ложно увѣрялъ Лиліентала, что онъ хотѣлъ доложить его вопросы собору русскихъ іерарховъ, и что этому помѣшала только сложность самаго дѣла. Можно съ увѣренностію сказать, что, если бы Лигаридъ привелъ въ исполненіе свое намѣреніе, то его прямо обвинили бы въ склонности къ „шамежской ереси“ и осудили бы за сношенія съ „еретиками“, да еще по дѣламъ вѣры. Очевидно, что и въ данномъ случаѣ Паисій по своему обыкновенію, постарался представить свою заслугу въ возможно большей степени, чтобы получить за нее большее вознагражденіе. Помимо даннаго частнаго случая сношеній Лигарида съ иностранцами весьма характернымъ является и тотъ фактъ, что Лигаридъ верѣдко передавалъ царю новости иностранной политики. „Паисій, говоритъ м. Макарій, сумѣлъ привлечь къ себѣ расположеніе государя своею ловкостію и угодливостію: представлялъ ему витіеватія при-

вѣстiя въ дни его рожденiя, именинъ, и по случаю великихъ праздниковъ, сообщалъ ему на бумагѣ даже политическiя извѣстiя о сосѣднихъ странахъ и государствахъ и тутъ же свои соображенiя и совѣты“¹⁾). Понятное дѣло, что Лигаридъ сообщалъ царю такiя политическiя извѣстiя, которыя не могли быть ему извѣстны черезъ носольскiй приказъ, иначе царю могло бы показаться даже страннымъ, что митрополитъ газскiй знаетъ дипломатическiя тайны раньше самого царя. А подобныя новости, о которыхъ царь не могъ знать изъ официальнаго источника, Лигаридъ могъ собирать только черезъ сношенiя съ иностранцами, живущими въ Москвѣ, потому что западно-европейскiя газеты тогда еще не проникали въ Россiю. Такимъ образомъ, Паисiй Лигаридъ могъ познакомиться съ Лициенталемъ и отъ него узнавать новости европейской политики еще гораздо раньше того времени, когда отъ него потребовался отвѣтъ на вопросы о Евхаристiи, предложенные А. Арно черезъ де-Пошпона²⁾). Если же признать такое предположенiе болѣе

¹⁾ И. Р. Ц. м. Макария, т. XII, стр. 522.

²⁾ Что П. Лигаридъ входилъ въ сношенiя съ иностранцами, пребывавшими въ Москвѣ, это видно также изъ заявленiя объ этомъ бельгiйскаго посланника при московскомъ дворѣ—Николая Гензюса. Послѣднiй, по отбытiи своемъ изъ Москвы, писалъ въ мартѣ 1671 года къ Иоахиму Пасторию слѣдующее: *compellavi semel Metropolitam Gassensem Pysium Ligaridem... Sed postero die significatum est mihi jussu Athanasii Laurentii Nazckini (Нащокина), qui negotium principum exteroram curandis est praepositus, rem alicis indignam visam, quod non impetrare venia Czareae Majestatis, hominum inter ecclesiasticos multae dignitatis compellassem. Misi etiam ad Ligaridem, qui id ipsum in illo factum culparent non enim me debuisse admitti. Ita fibula utinque nostrum injecta est nequam contraheremus alterius necessitudinem (Kohlii. Introductio in Historiam et Rem litterariam Slavorum. S. Petrsb. 1729. p. 31)*. Съ другой стороны, само русское правительство, зная о томъ, что Лигаридъ довольно близко познакомился съ положенiемъ политическихъ дѣлъ въ Россiи, поняло потомъ, что газскiй митрополитъ, находясь внѣ предѣловъ русскiхъ, легко можетъ повредить дипломатическимъ сношенiямъ Россiи съ иностранными дворами. Вотъ почему, когда Лигаридъ уѣхалъ изъ Москвы и остановился въ Кiевѣ въ 1673 году, то кiевскимъ всеводамъ было предписано царскимъ указомъ: безъ особаго государева приказа никуда не отпускать Паисiя изъ Кiева, «а буде онъ похочеть къ кому за Днѣпръ (т. е. въ Польшу) или съ грезны въ Царьградъ писать какiя письма», тѣхъ писемъ ни подъ какимъ видомъ не отсылать, а слѣдить за нимъ и его перепиской «всякими мѣрами накрѣпко». Очевидно, въ Москвѣ

чѣмъ вѣроятнѣе, то кажется довольно правдоподобнѣе, что кандидатура Палея въ патриархи московскіе имѣла нѣкоторыя предположенія и была даже желательной по крайней мѣрѣ только въ благоволившихъ Лигариду кружкахъ. Сверхъ того, нужно еще принять во вниманіе, что самъ Лигаридъ ставилъ очень высоко свою собственную особу и считалъ себя выше даже такихъ достойныхъ во всѣхъ отношеніяхъ іерарховъ, какииъ былъ Досеоей, п. іерусалимскій. Это онъ высказываетъ въ своемъ письмѣ къ логоету константинопольскаго патриарха Діонисія, написанномъ съ цѣлю получить отъ патриарха снятіе наложеннаго на него каноническаго запрещенія. Считаая главнымъ виновникомъ запрещенія, наложеннаго на него патр. Нектаріемъ, преемника этого патриарха— Досеоея, Лигаридъ очень презрительно отзывается о личныхъ качествахъ послѣдняго, какъ будто бы Досеоей занялъ патриаршую кафедру не только не по заслугамъ, но и самымъ фактомъ своего вступленія на престолъ только доказалъ самое печальное состояніе іерусалимской патриархіи. „И какъ мнѣ не возглашать о божественныхъ законовѣдѣніяхъ, писалъ Лигаридъ логоету, когда оставили церковь Божію вдовою, безъ пастыря, какъ горлицу пустынную, безъ покрова и безъ мужа, не обращается жениху совокушиться; не будучи бо мужу въ Іерусалимѣ, воцарилась Деввора жена (т. е. Досеоей); такъ нынѣ есть: вчерашніе и третьогоднишніе отрасли употребляютъ и властвуютъ, а старыя, что въ добродѣтеляхъ и тщаніяхъ подвизались съ малыя лѣтъ, наказуютъ и зазираютъ, что они одни начальствовали, ни Бога ни бояся, ни людей срамясь, клеветуютъ на меня въ зависти своей, чтобы получили желаніе свое... Буди достоинство ихъ, гдѣ суда не чають, какъ

уже не особенно довѣряли политической благонадежности Палея, и крѣпкій надзоръ за нимъ и его перепиской считали дѣломъ далеко нелишнимъ, тѣмъ болѣе, что русскій политическій агентъ Панагіотъ, служившій въ Цортѣ переводчикомъ, присылалъ сказать государю: «чтобъ не велѣлъ гаскаго митрополита съ Москвы отпустить, чтобъ онъ не учинилъ въ Царьградѣ и въ иныхъ мѣстахъ какого дѣла съ простодушія (!) своего». Каптеревъ. Характеръ отношеній Россіи къ Востоку въ XVI и XVII в., стр. 203.

жертводушныя, а я возлюбилъ душевное безмолвіе, и мірской мятежъ отринувъ“... ¹⁾).

Во всемъ этомъ письмѣ Паисія слишкомъ явно проглядываетъ крайнее недовольство іерусалимскими патріархами, Нектаріемъ и Досіеємъ, которые своими грамотами къ царю, если и не успѣли вполне подорвать кредитъ Лигарида, то все же вселили въ сердце царя сильное подозрѣніе, такъ что, если нѣсколько раньше Лигаридъ могъ мечтать о своемъ возвышеніи за „добродѣтели и тщанія“ на ту же ступень іерархическаго достоинства, какую занималъ его недоброжелатель п. Досіеѣй, то послѣ столькихъ компромиссовъ, ему было пріятно излить злобу на враговъ своихъ въ крайне оскорбительномъ для нихъ письмѣ къ другу.

Такимъ образомъ, склоняясь, на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, на сторону втораго изъ двухъ сдѣланныхъ раньше предположеній, мы не можемъ придавать ему аподиктической достовѣрности и предоставляемъ ему лишь условное значеніе, на какое оно можетъ претендовать при своей недостаточной обоснованности и лишь относительной вѣроятности.

Теперь нѣсколько словъ насчетъ превознесенной де-Помпономъ „учености“ Лигарида. Безспорно, что Паисій Лигаридъ по тому времени былъ человѣкъ весьма образованный, основательно прошедшій систему іезуитскаго школьнаго воспитанія и одаренный притомъ блестящими способностями. По отзыву С. Соловьева, съ которымъ можно вполне согласиться. „Паисій Лигаридъ, митрополитъ газскій, былъ самый образованный, самый представительный изъ греческихъ лицъ, явившихся въ Москву“ ²⁾. Дѣйствительно, Лигаридъ казался человѣкомъ „высокой науки“ не одному только Арсенію Суханову (что было бы неудивительнымъ по сравненію съ малою образованностію самого Арсенія), но также и другимъ лицамъ, европейски образованнымъ, могшимъ оцѣнить по достоинству образованіе Лигарида. Левъ Алляцій, напр., знавшій Лигарида очень близко, высказываетъ лестное мнѣніе насчетъ его учености.

¹⁾ Каптеревъ, стр. 200, примѣчаніе.

²⁾ С. Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XI, стр. 208.

Паисій Лигаридъ, говоритъ онъ, „*vir est acris ingenii, propositi tenax, eruditionis praesertim ecclesiasticae non ignarus, conciniator facundus et elegans, sed graecorum lingua vernacula, quamvis et litteralem optime calleat, eamque Musis non invitis versu prosaque scribat*“¹⁾. На иностранцевъ, пріѣзжавшихъ ко двору Алексѣя Михайловича, Паисій производилъ весьма пріятное впечатлѣніе своею ученостію. Посоль римскаго императора, Рейтенфельсъ, бывшій въ Россіи въ 1668 году, въ своихъ запискахъ о Московіи отзывается о немъ, какъ о самоѣ образованномъ изъ всѣхъ бывшихъ тогда въ Россіи ученыхъ²⁾. Равнымъ образомъ и бельгійскій посланникъ, Николай Гензіусъ (Hensius), послѣ своего отъѣзда изъ Россіи, писалъ изъ Стокгольма, 8 марта 1671, къ Пасторію о вышеупомянутомъ свиданіи въ Москвѣ съ Паисіемъ Лигаридомъ, котораго называетъ: *hominem Graecum multaque*

¹⁾ L. Allatū. De Ecclesiae occidentalis atque orietalis perpetua consensione: colon. 1654.

²⁾ «*Inter viros autem eruditos, писалъ онъ, qui sub Zaro in Moscovia annuis stipendiis splendide merent, primo loco jure habendus est Pausius Ligaridius, Chius, quondam metropolita Thessalonicensis, nunc ex metropolita Gazae Hierosolymitanae*»... (Reutenfelsius, Sac. Curlandus. De rebus Moscoviticis. Pataviae. 1680. Ub. 3, cap. 17, p. 205). По увѣренію Селлія, Лигаридъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ этимъ иностранцемъ, такъ что «*Reutenfelsio Moscuae morante commentaria nonnulla ad religionem spectantia concinnabat*» (Selli. Schediasma litterarium de scriptoribus, qui historiam politico-ecclesiasticam Rossiae scriptis illustrarunt. Revaliae. 1736. p. 29. № 109). Какого свойства были эти «комментаріи», объ этомъ нельзя составить опредѣленнаго представленія, потому что въ самой книгѣ Рейтенфельса о нихъ нѣтъ никакого упоминанія. Можно только предполагать, что Рейтенфельсъ, интересовавшійся религіей русскихъ и желавшій имѣть на этотъ счетъ точныя свѣдѣнія отъ лица вполне компетентнаго, просилъ Лигарида дать указанія относительно разныхъ непонятныхъ ему обычаевъ и обрядовъ, практиковавшихся въ русской церкви. И еслибы Рейтенфельсъ самъ издалъ свою книгу, то весьма вѣроятно, что въ нее вошли бы и комментарія Лигарида, въ качествѣ оправдательныхъ документовъ къ той части ея, которая трактуетъ о религіи московитянъ. Къ сожалѣнію, однако, сочиненіе Рейтенфельса было издано въ свѣтъ уже послѣ смерти автора, и потому издатели могли не обратить никакого вниманія на документы, хранившіеся въ его портфель, и признать важнымъ для изданія только написанное рукою самого автора.

artium bonarum fruge instructum, senem perhumanum“ ¹⁾). И не только лица, имѣвшія случай вступать въ личныя сношенія съ Лигаридомъ, были очарованы его любезностію и образованностію, но и тѣ люди, которые знали о немъ лишь по его ученымъ заслугамъ, воздавали должную дань удивленія его учености. Когда упомянутый Николай Гензіусъ получилъ отъ Лигарида нѣсколько словъ матриарха константинопольскаго Фотія, дотоѣ неизвѣстныхъ ученыхъ, и издалъ ихъ ²⁾, то имя Паисія Лигарида, впервые открывшаго ихъ, получило почетную извѣстность среди ученыхъ западной Европы. По поводу этого открытія ученый Грєвіусъ писалъ къ Николаю Гензіусу: „in ipso barbategi penetrali invenisse te Musarum κρητλιον, vehementer miror, planeque animum induco meum ab ipsis Musis tui causa eo esse perlatum, ut esset quo tuam oblectares solitudinem et obsidionem. Orationes Photii lucem nondum viderunt, si α σεβασμιωτατω και σοφοτατω Pausio Ligaride, illos possis impetrare faxo, ut hic edantur“ ³⁾). Грєвіусъ вступилъ даже въ ученую переписку съ Лигаридомъ, какъ это можно предугадывать изъ его писемъ къ Бурманну. Въ одно изъ нихъ онъ писалъ: „ad Pausium Ligaridem quoque meas litteras videbis propediem „и въ другомъ:“ tu vicissim fac memineris ad Pausium Ligaridem esse tibi parandas, quas uti paraturum te, jam saepe numero es pollicitus, sic parari eas mora sine ulteriore jus fasque est, ni mavis meas esse sine tuis propediem Mosquam contendere“ ⁴⁾). Для большей доказательности ученой репутаціи Лигарида, мы не будемъ перечислять всѣхъ написанныхъ имъ сочиненій, хотя съ нѣкоторыми изъ нихъ намъ придется познакомиться, въ виду ихъ особеннаго направленія. Кстати замѣтимъ, что ни одно изъ сочиненій Лигарида, за исключеніемъ трактата о Евхаристіи, написаннаго по просьбѣ Дилленталя, по странному капризу судьбы, въ своемъ оригинальномъ видѣ (т. е. не въ переводѣ) не попало подъ типографскій ста-

¹⁾ Kohlii. Introductio in historiam et rem litterariam Slavorum. р. 34, not. C.

²⁾ Они напечатаны также въ Комбефизовомъ Avctarium'ѣ.

³⁾ Kohlii loc. cit.

⁴⁾ Ibid.

нокъ, хотя нѣкоторыя изъ нихъ могутъ претендовать на большой литературный интересъ и капитальную обработку предмета.

Въ концѣ своего письма маркизь де-Помпонъ всѣми силами стремится оградить личность Паисія Лигарида отъ какихъ бы то ни было упрековъ и подозрѣній въ сочувствіи латинству. Онъ находитъ даже смѣшнымъ всякое предположеніе подобнаго сорта просто только потому, что самое порученіе, данное де-Помпону, требовало большой осторожности отъ человѣка исповѣданія греческаго. Съ другой стороны, де-Помпонъ почему-то серьезно опасался, чтобы сочиненіе Паисія Лигарида о Евхаристіи, и даже какое-либо отношеніе этого лица къ книгѣ *Perpetuité de la foy*, не стало бы извѣстнымъ раньше времени французскимъ калвиштамъ (собственно пастору Клоду). На самомъ дѣлѣ опасенія де-Помпона оказались не напрасными. Пасторъ Клодъ обратилъ серьезное вниманіе на личность П. Лигарида и даже не поставилъ себя въ трудъ навести справки о митрополитѣ газскомъ. Добытыя имъ свѣдѣнія во всякомъ случаѣ интересны и находятъ свое подтвержденіе въ другихъ источникахъ. Самъ Клодъ считалъ несомнѣннымъ тотъ фактъ, что воспитанники грегорианскаго коллегіума, природные греки, настолько заражаются въ немъ латинскою ересью, что дальнѣйшее ихъ поведеніе, по выходѣ изъ школы, является чистымъ лицемеріемъ. И въ отношеніи Лигарида Клодъ не только не дѣлаетъ исключенія, а даже настойчиво заявляетъ о его полной преданности латинству, подтверждая свое сужденіе письменными свидѣтельствами синьора Градениго и сэра Базайра. Чтобы придать такую или иную цѣну увѣреніямъ пастора Клода, необходимо провѣрить ихъ другими данными, насколько таковыя сохранила намъ исторія.

Еще отъ времени обученія Лигарида въ грегорианской коллегіи въ Римѣ мы имѣемъ нѣсколько свѣдѣній, говорящихъ за правдивость сообщеній Клода. Даже въ самомъ раннемъ возрастѣ Лигаридъ умѣлъ хорошо приспособлять свои интересы къ потребностямъ времени. Періодъ его обученія въ Римѣ падаетъ на царствованіе Урбана VIII. Этотъ папа былъ ревнителемъ мысли о широкой пропагандѣ латинства на Востокѣ и, въ этихъ видахъ,

возлагалъ большія надежды на воспитанниковъ греческаго коллегіума въ Римѣ. Онъ видѣлъ 'уже примѣръ, что унія въ западно-русской церкви поддерживается благодаря высшему духовенству, которое въ своихъ рядахъ видѣло не мало воспитанниковъ этого коллегіума (Кревза, Рутскій, Левъ Кишка и др.). Папскій престолъ не ослабѣвалъ въ усердіи посылать на Русь и въ Грецію такихъ доблестныхъ миссіонеровъ латинства, какъ Петръ Аркудій и Неофитъ Родинъ, изъ коихъ первый провель въ пропагандѣ цѣлыхъ 20 лѣтъ въ Польшѣ, а второй долгое время скитался въ Польшѣ и Греціи. Уже на школьной скамьѣ Лигаридъ хорошо понималъ, куда особенно направлены интересы латинства въ данную минуту. Когда, въ 1634 году, умеръ Петръ Аркудій, то папа во вниманіе къ его заслугамъ и учености, задумалъ издать его посмертныя сочиненія. Одинъ изъ взявшихъ на себя этотъ трудъ былъ Паисій Лигаридъ. Въ 1637 году онъ издалъ на греческомъ и латинскомъ языкахъ (параллельно) одно сочиненіе Аркудія, подъ заглавіемъ: *Περὶ τοῦ καθαρτηρίου πυρὸς κατὰ Βαρλαάμ Πετροῦ τοῦ Ἀρχουδίου* = *De purgatorio igne adversus Barlaam Petri Arcudii* (Romae. Typis et impensis sacrae Congregationis de Propaganda fide 1637 in 4°). Если взглянуть на посвященіе этой книги папѣ Урбану VIII, то въ немъ довольно опредѣленно отражается тогдашнее настроеніе Лигарида. Начавъ это посвященіе правиломъ Пифагора подавать правую руку только тѣмъ, кои преданы однѣмъ и тѣмъ же занятіямъ, а также друзьямъ, Лигаридъ такъ продолжаетъ: „повинуясь этому закону, и я также не медлилъ простирати руку помощи Петру Аркудію, моему другу и полезному учителю ¹⁾. А послѣ смерти я рѣшился

¹⁾ Въ латинской редакціи предисловія, слова «*ἡμεῖς τῷ διδασκάλῳ*» замѣнены цѣлымъ выраженіемъ: *et graecarum litterarum addicto studiis, quibus ego docendis novem jam annos operam pavo*. Это показаніе самого Лигарида можетъ служить даннымъ для опредѣленія года его рожденія. Книга Аркудія издана въ 1637 году; отнявъ отсюда девять лѣтъ, мы получимъ 1628 г.—годъ поступленія Лигарида въ коллегіумъ. А если принять во вниманіе увѣреніе Вретоса, что своими родителями Лигаридъ былъ посланъ въ Римъ для воспитанія въ самомъ раннемъ возрастѣ, то, опредѣливъ приблизительно этотъ возрастъ въ 12—14 лѣтъ, годъ рожденія Паисія Лигарида придется отнести къ 1614 или 1616. См. *Ανθ. Παπαδόπουλ. Πρῶτος. Νεοελληνική φιλολογία Αθήναι: 1854. μ. Α. σελ 213.*

подать ему быструю помощь и товарищескую руку, какъ человѣку, приводившему весьма часто многихъ въ благочестивое познаніе римской церкви, рѣшился увѣнчать вѣнкомъ его побѣдоносную руку, которая слишкомъ много потрудилась для вѣры и немалыя стѣны соорудила, а также очень легко отражала замыслы схизматиковъ и нападенія еретиковъ... Ибо тебѣ, верховному первосвященнику, который, скажу съ Пиндаромъ, достигъ высочайшей вершины всѣхъ добродѣтелей и высочайшей степени достоинства, онъ самъ посвятилъ бы произведеніе своего таланта, если бы только преждевременная смерть, прерывая жизненную нить, не уносила съ собой всякое предположеніе человѣка и всякую его надежду... Теперь я рѣшился исполнить его завѣтъ, и какъ бы должное совершаю, сколько ради обнаруженія его благочестія, въ которомъ я слѣдую за нимъ, столько же ради возстановленія памяти такого мужа, памяти, которая пришла бы въ забвеніе, если бы она не поддерживалась постояннымъ свѣтомъ и молніеносными лучами твоего солнца, и тѣмъ не избавлялась бы отъ всякой опасности забвенія. Итакъ, блаженнѣйшій отецъ, прими это не послѣднее изъ послѣднихъ произведеній Аркудія и въ представленномъ тебѣ произведеніи не презри и того, что принадлежитъ моему труду, который я приношу теперь только какъ *начатки*, нѣмъ намѣреніе въ будущемъ принести еще большіе плоды... Требуй отъ меня болѣе совершеннаго обнаруженія трудовъ и опытовъ моего усердія, ибо эти плоды я собиралъ на лугахъ твоего греческаго коллегіума, чрезъ тебя сдѣлавшись и до сихъ поръ пребываю питомцемъ греческихъ музъ. Я посвящаю ихъ тебѣ, какъ верховному намѣстнику Бога, всеусердно моля Творца всѣхъ вещей и Господа, да будетъ тебѣ долговременнымъ сѣдалище Петра, къ общей пользѣ всего христіанства и, въ частности, для благосостоянія рода нашего". Кроме этого высокопарнаго посвященія книги Аркудія намъ Урбану VIII, Лигаридъ приложилъ еще къ ней особую элегію въ честь автора ея, въ гекзаметрическихъ стихахъ. Эта элегія характерна съ извѣстной стороны не менѣе самого посвященія. Лигаридъ восхваляетъ доблести Аркудія въ слѣдующихъ словахъ:

Пальъ Петръ Аркудій. за вѣру Петра побѣнный камнями;

Твердостью несокрушимый оплотъ богословія рухнулъ.
 Рухнулъ онъ, бывъ уловленъ никому неизбѣжною сѣтью,
 Гибельной сѣтью, разостланной неотвратимой судьбою.
 О, рукоплещуть теперь нечестивцы, поборники схизмы,
 Что отошелъ ты, искусный божественныхъ книгъ сочинитель.
 Ересиархи, вводители новшествъ въ отцовскія догмы
 Въ радости быстро, какъ буря стремительно, бросились въ пляску,
 Ибо угаснулъ свѣтильникъ для Рима, звѣзда для Востока.
 Нѣтъ его, скрылся на вѣки отъ насъ Фаэтонъ лучезарный.
 Но и по смерти онъ живъ и глаголетъ въ безсмертныхъ пи-
 саньяхъ...

Такимъ образомъ, Лигаридъ на школьной скамьѣ обнаруживалъ самое пламенное желаніе посвятить всѣ свои силы на служеніе интересамъ римскаго первосвященника и рѣшился слѣдовать въ этомъ случаѣ примѣру своего учителя, Петра Аркудія.

Объщаніе Лигарида палъ продолжать трудиться со всѣмъ усердіемъ на пользу латинства не было простымъ только выраженіемъ его чувства глубокой преданности католицизму. Въ томъ же году, когда вышло въ свѣтъ сочиненіе Аркудія, Лигаридъ взялъ на себя трудъ составить предисловіе и посвященіе къ сочиненію другого, не менѣе ревностнаго, чѣмъ Аркудій, пропагандиста латинства на Востокъ—Неофита Родина. Это сочиненіе носило заглавіе „*Νεοφύτου Ροδίνου. Εξήγησις εἰς τὴν ὁδὴν τῆς Θεοτοκοῦ τούτέστιν εἰς τὸ Μεγαλύνει ἡ ψυχὴ τοῦ τόν Κύριον, μοιρασμένη εἰς δώδεκα ὀμιλείας πολλὰ ὠφέλιμας διὰ διδαχάδες καὶ καθέ φιλοπαρθένον χριστιανόν*“. Romae. Typis et impensis sacr. Congr. de Propaganda Fide 1637 in 12°). Сама по себѣ книга эта не замѣчательна ни своимъ содержаніемъ, ни значеніемъ. Она получаетъ свое значеніе только въ отношеніи того участія, какое принималъ въ ея изданіи Пансій Лигаридъ. Дѣло въ томъ, что впослѣдствіи несчастная книжица причинила серьезную непріятность Лигариду. Патріархъ Никонъ, стремясь подорвать кредитъ митрополита газскаго у царя, Алексѣя Михайловича, собиралъ о немъ всевозможныя свѣдѣнія и, между прочимъ, чрезъ архимандрита константинопольскаго афонскаго монастыря, Теофана, досталъ книжку Неофита Родина:

„Толкованіе на величить душа моя Господа“... Въ своихъ обвиненіяхъ Лигарида въ латиномыслии, какъ доказательство, Никонъ съ торжествомъ выставялъ на видъ фактъ изданія Лигаридомъ книги, написанной въ интересахъ латинства. Такъ, въ своемъ посланіи къ константинопольскому патріарху Діонисію, а также въ своихъ „Возраженіяхъ“ на „отгвѣты Паисіевы“ Никонъ говоритъ о книгѣ Родина: „да на него (Лигарида) свидѣтельство привезъ св. аеонскія горы, монастыря *констинова*, архимандрить Теофанъ, книжицу: „Толкованіе на величить душа моя Господа“, а та книжица друкована въ Римѣ, и въ ней пишеть: высочайшему и чествѣйшему кардиналію, господину Франгійску Комбангію, неапольскому архіепископу: и имя гааскому—Пантелеймонъ Лигаридъ“¹⁾.

При окончаніи курса наукъ въ греческомъ коллегіумѣ папы Григорія XIII, Лигардъ былъ удостоенъ степени доктора богословія, послѣ торжественной защиты своихъ тезисовъ. Долговременное пребываніе въ хорошо устроенной школѣ и наука оо. іезуитовъ развили Лигарида умственно настолько, что онъ на публич-

¹⁾ См. 26 «Возраженіе» Никона въ И. Р. Ц. м. Макарія, т. XII, стр. 462, примѣч. 265, и ср. Записки Отд. Рус. и Слав. Археол. И. Р. Археол. Общ., т. II, стр. 52¹⁾. Кто разумѣется подъ именемъ «Франгійска Комбангія», трудно сказать съ точностью, потому что самой книги Родина намъ не удалось найти. Можно только предположительно сказать, что это лицо — племянникъ папы Урбана VIII, кардиналъ Францискъ Барберини, съ которымъ Лигаридъ имѣлъ переписку и вполнѣдствіи. Въ пользу этого предположенія говорить во 1-хъ, то соображеніе, что Лигаридъ былъ человѣкъ въ высшей степени искательный и никогда не упускалъ случая, такъ или иначе, снискать себѣ расположеніе лицъ вліятельныхъ. И въ данномъ случаѣ вполнѣ естественно, что Лигаридъ хотѣлъ заручиться милостями такого лица, которое было самымъ близкимъ къ папѣ Урбану VIII. (Изъ трехъ племянниковъ этого папы Францискъ былъ среднимъ, а по своему уму и образованности справедливо занималъ высокое мѣсто кардинала). Во 2-хъ, заключительныя слова приведеннаго мѣста изъ «Возраженій» Никона у свящ. Михайловскаго очень опредѣленно указываютъ, что Паисій желалъ заручиться благорасположеніемъ, именно, кардинала Франциска Барберини. У него они читаются такъ: «а та книжица друкована въ Римѣ и въ ней писано: собиѣйшему владѣтелю, кардиналу, господину Франциску Барберини, владѣцѣ моему чествѣйшему». См. Жизнь святѣйшаго Никона, патр. Всероссійскаго. Изд. Воскресенскаго монастыря. Москва 1878, стр. 306.

номъ диспутѣ, при полученіи степени доктора, поразилъ всѣхъ гибкостью своего ума, находчивостію и знаніемъ богословской науки. Одинъ католическій писатель слѣдующимъ образомъ описываетъ его докторскій диспутъ. „Панталеонъ Лигаридъ, родомъ хіосецъ, шестнадцатъ лѣтъ провелъ въ греческомъ коллегіумѣ въ Римѣ, гдѣ онъ неустанно съ усердіемъ стремился къ образованію своего блестящаго ума. Онъ получилъ степень доктора богословія и философіи въ церкви св. Аеанасія, въ присутствіи многихъ кардиналовъ. Въ этомъ случаѣ онъ отличился своимъ остроуміемъ, начитанностію и богатыми познаніями. Одинъ изъ присутствующихъ тамъ предлагалъ ему вопросы по гречески, и диспутантъ отвѣчалъ на нихъ съ быстротою и полнотою, возбуждавшими общее удивленіе“¹⁾). Письмо де-Помпона, въ отношеніи давняго факта, раздѣльнѣе указываетъ, что окончательное образованіе Лигаридъ получилъ уже въ Падуѣ. Съ этимъ можно вполне согласиться въ виду того, что специально философское образованіе давалъ въ тогданнее время въ Италіи падуанскій университетъ. Даже наши русскіе богословы, получавшіе образованіе за-границей, считали необходимымъ поучиться философіи въ Падуѣ, какъ это извѣстно изъ примѣра Палладія Роговскаго. Греки въ этомъ отношеніи шли еще впереди русскихъ, и весьма многіе изъ нихъ довершали свое образованіе въ Падуѣ. Посему, весьма вѣроятно, что и Лигаридъ не преминулъ воспользоваться тѣмъ, что для другихъ, гораздо менѣе его даровитыхъ, составляло хорошо сознаваемую нужду. Такимъ образомъ, придавая полное значеніе сообщенію Родоты о полученіи Лигаридомъ степени доктора богословія въ Римѣ, нельзя отвязать въ довѣріи и тому, что Лигаридъ учился еще и въ падуанскомъ университетѣ, какъ въ этомъ увѣряетъ де-Помпонъ.

По обычаю, уже издавна установившемуся, всѣ питомцы грегоріанской коллегіи, должны были получать посвященіе въ духовный санъ или отъ католическаго или отъ униатскаго епископа. Паисію Лигариду тоже пришлось повиноваться общему порядку.

¹⁾ Dell'origine, progresso et stato presente del Rito Graeco in Italia, da P. P. Rodota. Roma. 1763. libro III. pag. 208, n. a.

Въ указанной уже нами книгѣ Родоты сообщается, что, послѣ полученія степени доктора, „былъ посвященъ въ священныя степени (діакона и священника) Рафаиломъ Борсакомъ, митрополитомъ русскимъ (уніатскимъ) и затѣмъ отправился въ Константинополь“ ¹⁾. Нѣсколько выше мы уже имѣли случай сказать, когда и съ какою цѣлю Лигаридъ отправился на Востокъ.

Теперь остается только освѣтить нѣкоторыя стороны его дѣятельности въ предпринятомъ имъ путешествіи. Левъ Алляцій, отъ котораго мы имѣемъ свѣдѣнія объ отправленіи Лигарида въ Константинополь, былъ настолько увѣренъ въ приверженности Лигарида къ латинству и въ успѣхъ его пропаганды, что въ другомъ письмѣ къ Бартольдѣ Нигузію такъ говоритъ о немъ: „ради католической религіи онъ, если понадобится, пожертвуетъ самую жизнь и свою кровь“ ²⁾. Этотъ отзывъ относится къ февралю 1645 года, когда Лигаридъ былъ уже въ Константинополѣ. Самые же подвиги его здѣсь въ пользу католичества описываетъ намъ вышеупомянутый Родота. По его словамъ, въ Константинополѣ Лигаридъ „весьма учено защищалъ истины католичества на одномъ публичномъ собраніи у образованнаго греческаго епископа, и благодаря своему рѣдкому дару слова и проницательности, онъ сумѣлъ поразить и привести къ молчанію своихъ противниковъ, такъ что никто изъ нихъ не былъ въ состояніи противостоятъ силѣ его ума и аргументовъ (*resistere ne alla vecmenza del suo spirito, nè alla forza degli argomenti*), которыми онъ доказывалъ превосходство власти папы предъ властію каждаго изъ патріарховъ. Его ревность и ученость навлекли на него венависть патріарха константинопольскаго, который запретилъ ему совершать литургію и проповѣдывать; торжественно онъ былъ объявленъ простымъ міряниномъ, такъ что, будучи посвященъ въ Римѣ епископомъ, находящимся въ единеніи съ римскимъ престоломъ, въ концѣ концовъ, чрезъ эккоммуникацію, онъ оказался отрѣзаннымъ отъ всего

¹⁾ Rodota loc. cit.

²⁾ L. Allatii. De Ecclesiae occidentalis atque orientalis perpetua consensione. colon. 1648.

человѣчества“¹⁾). Изъ этого преувеличеннаго изображенія дѣяній Лигарида на Востокъ справедливымъ представляется то, что Лигаридъ пытался пропагандировать латинство въ Константинополь. Но онъ, по своему характеру, былъ чловѣкъ настолько осторожный, что едва ли считалъ нужнымъ пускаться въ публичныя пренія о превосходствѣ латинства надъ православіемъ, и въ виду и то, что карьера его зависить все-таки отъ греческихъ иерарховъ, а не отъ папы. Невѣроятно также, чтобы Лигаридъ рѣшился открыть кому-либо секретъ своего посвященія въ католической церкви, и патриарху, конечно, не представлялось нужды лишать его священныхъ степеней. А что важнѣе всего, при своемъ появленіи въ Молдавію въ 1648 или 1649 гг., Лигаридъ обязательно долженъ былъ представить о себѣ рекомендаціи константинопольскаго патриарха, чтобы рассчитывать на полученіе мѣста дидаскала въ яскомъ придворномъ училищѣ. Естественно, что онъ не могъ бы получить рекомендательной грамоты, если бы патриарху Пармению II было доподлинно извѣстно, что онъ открыто защищаетъ и пропагандируетъ католичество²⁾).

Такимъ образомъ, на основаніи сообщеній Родоты, можно сдѣлать то вѣроятное заключеніе, что Лигаридъ пытался было, взяться за исполненіе порученной миссіи, но потерпѣлъ неудачу и принужденъ былъ удалиться изъ Константинополя.

Вслѣдствіе того, что годъ отбытія Лигарида отсюда съ точностію неизвѣстенъ, нельзя непремѣнно думать, что затѣмъ онъ прямо направился въ Молдавію и Валахію. Напротивъ, если полагаться на довольно неопредѣленные намеки нѣкоторыхъ памятниковъ, то придется предположить, что Лигаридъ былъ нѣкоторое время въ Польшѣ, пожалуй — даже раньше своего прибытія въ Молдавію. Находясь уже въ яскомъ училищѣ, въ качествѣ ди-

¹⁾ Rodota. loc. citat.

²⁾ «He may no doubt, говоритъ Пальмеръ, have had his original letters of orders both Roman and Greek... and a letter perhaps from the patriarch of Constantinople Parthenius II of a datesomewhat earlier than 1650 with wich first went from Constantinople to the Danubian principalities». Palmer. The Patriarch and the Tzar. Tom. I. Eritome XVIII.

даскала его, Лигаридъ не прерывалъ своихъ сношеній съ западными друзьями. Онъ велъ переписку, напр., съ Львомъ Алляціемъ, отъныи котораго о Лигаридѣ мы имѣли случай привести нѣсколько выше. Изъ Молдавіи было написано имъ одно письмо къ Алляцію, для насъ важное въ томъ отношеніи, что оно даетъ нѣкоторый намекъ на пребываніе Лигарида въ Польшѣ. Письмо это помѣщено въ сочиненіи Николая Пападопула Комнена: *Prænotiones mysthagogicae ex jure canonico, sive responsa sex...* Patavia 1696. pagg. 245—246. Въ книгѣ Комнена, между прочимъ, отведено большое мѣсто вопросу о силѣ клятвы священнической, чрезъ которую тѣла умершихъ, подпавшихъ проклятію, остаются нетлѣнными до тѣхъ поръ, пока надъ ними не будетъ прочитана разрѣшительная молитва. Въ числѣ доказательствъ этого положенія фигурируетъ и письмо Лигарида къ Алляцію, въ которомъ сообщается одинъ поразительный фактъ. Лигаридъ сообщаетъ въ своемъ письмѣ, что тѣло одного отлученнаго отъ церкви челоуѣка нѣкоторое время пребывало нетлѣннымъ. Родственники покойнаго призывали православнаго священника, чтобы онъ причиталъ надъ тѣломъ его разрѣшительную молитву. Молитва была прочитана, но не послѣдовало никакого дѣйствія. Случайно при этомъ происшествіи присутствовалъ извѣстный Иосафатъ Кунцевичъ. „Hunc orat populus praeces resumere et juxta mortem perficere. At ille occasione sumpta, dixit: viri amicissimi, Christi solitum portentum editum non est, ne Deus mentiatur, quod nefas. Agite igitur, discite vera esse, quae a me vobis predicantur. Haec ubi dixit, sacram induit stolam exclamatque alta voce: si vere credimus, qui docemus, Spiritum Sanctum a Patre et Filio procedere, archiepiscopum veteris Romae, juxta Florentinum synodum, patrem esse et magistrum omnium christianorum et Christi vicarium, quique ea, quae ipse sentiat, sentimus, Domine, Deus noster etc. Vix autem ea praecatione peracta, solum cadaver est non sine ingenti strepitu, quem populus auxit clamore et fletu“. По поводу этого свидѣтельства Лигарида, одинъ католическій писатель, іезуитъ Кунеръ, дѣлаетъ такое не лишнее интереса замѣчаніе: „не знаю, откуда Лигаридъ почерпнулъ

это чудо, которое онъ рассказываетъ о святомъ мученикѣ Иосафатѣ, когда я напрасно искалъ его въ „актахъ“ того же св. Иосафата Кунцевича, архіепископа полоцкаго, тщательно собранныхъ изъ различныхъ памятниковъ достопочтеннѣйшимъ Яковомъ Зушею, епископомъ хельмскимъ, и изданныхъ въ Рижѣ, на латинскомъ языкѣ, въ 1665 году. Впрочемъ, я не отрицаю, что подобная вещь могла случиться, ибо это чудо, быть можетъ, отыщется въ различныхъ рукописныхъ документахъ объ этомъ славномъ мученикѣ“¹⁾,

Откуда, въ самомъ дѣлѣ, Лигаридъ могъ узнать о мнимомъ чудѣ Иосафата Кунцевича? Если Кусеръ откровенно сознается, что ему не приходилось видѣть его въ подлинныхъ документахъ, изображающихъ жизнь и дѣяніе этого фанатическаго ревнителя католицизма, то естественно является такого рода предположеніе, что Лигаридъ почерпнулъ свой рассказъ изъ какого то устнаго источника, т. е. принялъ на вѣру одно изъ такихъ свѣдѣній, какія обыкновенно легко создаются народной фантазіей послѣ смерти замѣчательнаго въ какомъ либо отношеніи человѣка. Мы уже знаемъ, что въ 1645 году Лигаридъ былъ еще въ Константинополѣ. Однако, нельзя утверждать, за неизвѣніемъ какихъ-либо данныхъ, что все время до своего прибытія въ Молдавію онъ неотлучно находился здѣсь. Отчасти изъ сообщеній Родоты, отчасти изъ простыхъ соображеній, можно усматривать, что при патриархѣ Саргеніѣ II, не потворствовавшемъ латинской пропагандѣ, Лигаридъ долженъ былъ удалиться изъ Константинополя. А такъ какъ причиною его удаленія, можно думать, были поползновенія къ пропагандѣ латинства, то вполне естественно полагать, что Лигаридъ ушелъ изъ Константинополя не прямо въ Валахію, гдѣ его могли и не принять по наведеніи справокъ, а куда либо въ болѣе безопасное мѣсто. Польша, бывшая въ то время пріютомъ людей самыхъ разнообразныхъ религіозныхъ убѣжденій, лучше всего и могла укрыть на время латиномыслящаго Лигарида, тѣмъ болѣе, что тамъ его могли принять самымъ любезнымъ образомъ, какъ

¹⁾ G. Superus. Tractatus historico chronologicus de patriarchis Constantinopolitanis. Venetii. 1751. p. 214, sq.

человѣка, потерпѣвшаго гоненія за убѣжденія, болѣе согласныя съ католичествомъ, чѣмъ съ православіемъ. Кроме того, Лигаридъ получилъ завѣщаніе отъ своего учителя, Петра Аркудія, непремѣнно побывать для извѣстной цѣли въ тѣхъ странахъ, гдѣ онъ трудился цѣлыхъ двадцать лѣтъ ¹⁾. Принимая, такимъ образомъ, во вниманіе уже указанныя данныя, нельзя отказаться отъ предположенія, что Лигаридъ пребывалъ въ Польшѣ между 1646—1649 годами. Здѣсь то онъ и могъ слышать изъ устъ какого-либо благочестиваго почитателя лжеученика Иосафата рассказъ о мнимои чудѣ его.

Патріархъ Никонъ, освѣдомившись изъ какого-то источника, быть можетъ, получивъ свѣдѣнія отъ того же аеонскаго игумена Теофана, который привезъ ему „книжицу“ Неофита Родина, безъ всякаго колебанія утверждалъ, что Лигаридъ получилъ свое посвященіе въ низшія церковныя степени отъ римскаго костела. Въ своемъ посланіи къ цареградскому патріарху Діонисію, въ 1666 году. Никонъ писалъ о Лигаридѣ: „глаголетъ, яко отъ Рима есть, и вѣруеть по римски, и *хиротонисанъ* есть діакономъ и пресвитеромъ отъ папежа, и яко бѣ и *въ Польшѣ* у короля и мшу сотвори въ костелѣхъ по папезски“ ²⁾. Пребываніе Паисія въ Польшѣ Никонъ также считалъ несомнѣннымъ. Только его показаніе относительно времени этого пребыванія довольно сбивчиво, какъ это можно видѣть, если сравнить уже приведенное мѣсто изъ грамоты къ патріарху Діонисію съ тѣмъ, что говоритъ Никонъ о Лигаридѣ въ своихъ „возраженіяхъ на отвѣты“ Стрѣшневу. Тамъ фактъ пребыванія Лигарида въ Польшѣ отодвигается къ болѣе позднему времени, чѣмъ можно было бы полагать на основаніи сказаннаго выше. „Нѣщны же повѣствуютъ о немъ (Лигаридѣ), писалъ Никонъ, яко нѣсть православныя св. восточныя церкви, но западныя, римскаго костела, у папы былъ 30 лѣтъ діакономъ и въ мутьянахъ былъ де многое время и вельми насѣянъ римскія ереси... И мутьянскій митрополитъ писалъ ко вселенскимъ патріархамъ, и они его проклиаи и платье велѣли снятъ, и онъ изъ мутьянь ушелъ въ

¹⁾ Вретос. *Νεοελληνική φιλολογία*. μ. Α. σελ. 213.

²⁾ Зап. Отд. Рус. и Слав. Археол. И. Р. А. О., т. II, стр. 521.
«Христ. Читн.», № 11—12, 1889 г.

Польшу, и въ Польшѣ многое время при королѣ былъ, и по всѣмъ костеламъ службу отиравлялъ“¹⁾). Чтобы прояснить это довольно темное мѣсто въ хронологическомъ отношеніи, необходимо сопоставить его съ другимъ свидѣтельствомъ о времени лишенія Лигарида святительскаго сана. Въ грамотѣ іерусалимскаго патріарха Нектарія, полученной въ Москвѣ 29 іюля 1668 года, государю, Алексею Михайловичу, сообщалось о Паисіѣ Лигаридѣ, что тотъ былъ отлученъ и проклятъ еще его предшественникомъ, патріархомъ Паисіемъ, о чемъ была послана вѣсть и александрійскому патріарху Паисію, потому что Лигаридъ служилъ въ то время въ волошской землѣ, гдѣ пребывалъ тогда и александрійскій патріархъ. А Паисій александрійскій былъ въ Молдавіи годомъ раньше Макарія антиохійскаго, проѣзжавшаго эту страну въ 1656 году. Слѣдовательно, уже въ 1655 году Паисій былъ извѣстенъ патріархамъ, какъ запрещенный архіерей. Однако, не видно, чтобы онъ немедленно же уѣхалъ изъ Молдавіи въ Польшу, будто-бы, потому, что митрополиту молдавскому стало извѣстно о запрещеніи Лигарида. Изъ дневника Павла Алепискаго извѣстно, что въ 1656 году Лигаридъ былъ въ Валахіи и пребывалъ вмѣстѣ съ патріархомъ Макаріемъ въ Козійскомъ монастырѣ. По случаю междуусобныхъ смуть между молдавскими господарями Лигаридъ на короткое только время удалялся въ Венгрію, откуда опять возвратился въ Валахію.²⁾ Затѣмъ, обращаясь къ указанной грамотѣ іерусалимскаго патріарха Нектарія, можно прослѣдить, куда дальше направился Лигаридъ. Когда Нектарій сдѣлался патріархомъ, то „Лигаридъ не явился къ нему, какъ бы слѣдовало, не представилъ своихъ грамотъ, а уѣхалъ сначала въ волошскую, а потомъ черкасскую землю и тамъ писалъ ложныя грамоты къ тебѣ, великому государю, а что въ тѣхъ грамотахъ писалъ, мы того не вѣдаемъ, а кто тѣ грамоты ему въ черкасскихъ городѣхъ писалъ, тотъ нынѣ человекъ у насъ, а у него онъ былъ архимандритомъ, имя ему Леонтій“³⁾). Если Нектарій и не зналъ, о чемъ писалъ въ Мо-

¹⁾ Гиббепетъ, ч. II, стр. 245.

²⁾ Palmer. The patriarch and the czar. t. III, p. 7.

³⁾ Каптеревъ, стр. 195.

скву Лигаридъ, то для насъ не составляетъ это теперь секрета. Онъ писалъ о позволеніи пріѣхать въ Москву. Патріархъ Никонъ, по ходатайству за Лигарида Арсенія Суханова, написалъ въ 1657 году письмо къ молдавскимъ господарямъ, чтобы они отпустили Лигарида въ Россію. Но Лигаридъ не воспользовался предложеніемъ и прибылъ въ Россію только чрезъ 5 лѣтъ послѣ приглашенія. Наконецъ, извѣстно, что Лигаридъ прибылъ въ Россію съ рекоменда- тельной грамотой не отъ своего іерусалимскаго патріарха Нектарія, а отъ константинопольскаго—Пареенія IV Куккума. Патріархъ Досиѳей сильно укорялъ Пареенія за его неканоническій поступокъ и въ своей грамотѣ къ Алексѣю Михайловичу, полученной 1 ноября 1669 года, такъ выражалъ свое негодованіе по этому случаю: „а газ- скій митрополитъ не имѣетъ никакого докучанія, для чего вселенскій патріархъ по священнымъ и святымъ законамъ не имѣетъ власти въ ерусалимской области, не токмо архіереи, но діакона не отлу- чить и не простить, а что онъ, Пареевій, учинилъ газскому ми- трополиту, яко ненаученый и неграмотный“. ¹⁾ Конечно, іеруса- лимскій патріархъ Досиѳей справедливо могъ негодовать на Пар- еенія, однако и послѣдній былъ не настолько несвѣдущъ въ цер- ковныхъ канонахъ, чтобы дать рекомендацію Лигариду, если бы только ему было извѣстно, что съ 1657 года и до 1661 онъ вращался въ Польшѣ, былъ у короля и „по всѣмъ костеламъ службу отправлялъ“. Если бы Лигаридъ прибылъ въ Константи- нополь прямо изъ Польши, то несомнѣнно, что патріархъ Парее- ній, освѣдомившись о его подвигахъ не только не далъ бы тре- буемой грамоты на проѣздъ въ Россію, но еще и сообщилъ бы о немъ іерусалимскому патріарху. Безспорно, что Пареевій зналъ о за- прещеніи Лигарида іерусалимскимъ патріархомъ, но только онъ взялъ на свой страхъ отвѣтственность за когда-то бывшія престу- пленія Лигарида, навлекшія на него каноническую кару, не при- давая, вѣроятно, большого значенія тому, что уже можно считать- ся дѣломъ давно минувшихъ дней. Впрочемъ, Пареевій не осмѣ- дился канонически возстановить Паисія Лигарида въ санъ митро-

¹⁾ Гиббонетъ, ч. II, стр. 1124.

полита газскаго, и въ своей грамотѣ называетъ его лишь іерусалискимъ митрополитомъ Предтечева монастыря, т. е. даетъ ему такой неопредѣленный титулъ, который не могъ бы обидѣть даже іерусалимскаго патріарха, если бы только имъ не былъ Досиѳей. Такимъ образомъ, нельзя согласиться, что Лигаридъ посѣщалъ Польшу предъ своимъ отправленіемъ въ Москву, а слѣдуетъ отнести это посѣщеніе къ болѣе раннему времени, уже указанному нами. Патріархъ Никонъ, въ гнѣвномъ раздраженіи на Лигарида, въ своихъ „возраженіяхъ“ такъ перепуталъ факты, что нѣтъ прямой необходимости видѣть здѣсь хронологически-последовательное перечисленіе ихъ. Гораздо естественнѣе говоритъ Никонъ о Лигаридѣ въ посланіи къ Діонисію константинопольскому, на основаніи котораго можно приходять къ мысли, что Лигаридъ, „ишу сотвори въ костелѣхъ по-палежски“, еще будучи только діакономъ и пресвитеромъ римскаго посвященія. Напротивъ, въ „возраженіяхъ“ совершенно непонятно, какимъ это образомъ Лигаридъ цѣлыхъ 30 лѣтъ былъ діакономъ у папы. Здѣсь Никонъ только и старается о томъ, чтобы показать, какъ много времени Лигаридъ находился въ сношеніяхъ съ католиками, и потому преувеличенно приписываетъ ему 30-лѣтнее служеніе папѣ и долгое пребываніе въ Польшѣ. Все это ему надобно было, чтобы возможно болѣе окрасить Лигарида цвѣтомъ „палежскаго еретичества“ и тѣмъ подорвать всякій его кредитъ. Итакъ, придавая должное значеніе показаніямъ Никона о латиномыслии Лигарида, мы воздерживаемся вѣрить имъ безусловно, особенно въ отношеніи хронологической точности.

Что Никонъ былъ серьезно убѣжденъ въ еретичествѣ Лигарида и не считалъ его даже православнымъ, въ этомъ нельзя и сомнѣваться послѣ неоднократныхъ и рѣзкихъ заявленій Никона объ этомъ предметѣ. Было бы слишкомъ долго подбирать всѣ выраженія Никона по этому поводу. Достаточно къ приведеннымъ выше указать еще два. Въ девятомъ возраженіи на отвѣты Палеіевы Никонъ говоритъ: „при поставленіи Іова на московское патріаршество, отъ вселенскаго патріарха дана была власть російскому духовенству, по преставленіи патріарха, возводить на его мѣсто другого, но не на живаго мѣсто и не безъ совѣта вселенскихъ патріарховъ,

не такъ, какъ ты, а ты *новый схизматикъ или, лучше сказать, еретикъ*, изверженными клиентовыми правилами и прочими евоповыми и иными ложными шимскими проклятыми книгами приводишь ложныя свидѣтельства, а самъ какъ ворона обходишь сушу и море, твоя расколы какъ въ мутьянской землѣ, такъ и здѣсь " 1). Второй примѣръ. На соборѣ—1666—7 года, при судѣ надъ Никономъ, царь Алексѣй Михайловичъ съ особенною торжественностью выставилъ противъ него такое обвиненіе: „Никонъ насъ отъ благочестивой вѣры и отъ благословенія св. патріарховъ отчель и къ католической вѣрѣ причель и назвалъ всѣхъ еретиками! Только бы его, Никоново, письмо до св. вселенскихъ патріарховъ дошло, то всѣмъ православнымъ христіанамъ быть бы подъ клятвою и за то его ложное и затѣйное письмо надобно всѣмъ стоять и умирать и отъ того очиститься“. — „Чѣмъ Русь отъ соборной церкви отвратилась? спросили патріархи Никона. „Тѣмъ, отвѣчалъ онъ, что Паисій гавскій Птирима перевелъ изъ одной епархіи въ другую и на его мѣсто поставилъ другого и другихъ архіереевъ съ мѣста на мѣсто переводили же, а ему то дѣлать не довелось, потому что онъ отъ іерусалимскаго патріарха отлученъ и проклят“ 2). Обвиненіе Никона дѣйствительно было очень серьезнымъ, потому что въ своихъ выводахъ онъ зашелъ такъ далеко, что чрезъ Литарида, взявшаго въ свои руки административную власть русской церкви, онъ приписалъ русскую церковь въ зависимость отъ папы, чрезъ посредство его ставленника. Сущность обвиненія, такимъ образомъ, всею тяжестью ложилась на неправославіе Литарида, которое, по мнѣнію Никона, обязательно должно приводить, именно, къ тѣмъ заключеніямъ, какія онъ и сдѣлалъ относительно всей русской церкви. Алексѣй Михайловичъ понялъ всю важность подобнаго обвиненія и настойчиво просилъ восточныхъ патріарховъ, судившихъ Никона, доказать его ложность. Хотя патріархи и успокоили царя насчетъ предложеннаго вопроса, однако Литарида было, вѣроятно, не особенно легко сидѣть на соборѣ въ присутствіи Паисія алек-

1) Гиббенетъ, ч. II, стр. 191—192. Ср. Palmer, t. I, p. 46.

2) Соловьевъ, Ист. Рос., т. XI, стр. 310.

сандрійскаго, который зналъ нѣкоторые грѣшки за Лигаридомъ, но умолчалъ о нихъ въ виду слишкомъ большой важности вопроса, поставленнаго царемъ для удовлетворительнаго разрѣшенія. Паисій Лигаридъ такъ высоко поставилъ себя въ глазахъ русскаго правительства, или лучше—ямъ такъ дорожили, пока велось дѣло Никона, что никакія предостереженія восточныхъ патріарховъ насчетъ его неправославія не могли поколебать его авторитета. А, между тѣмъ, заявленія восточныхъ патріарховъ были настолько опредѣленны, что пужно было совсѣмъ закрыть глаза, чтобы не придавать имъ никакого значенія. Преемникъ Пароенія Куккума, давшаго рекомендательную грамоту Паисію Лигариду для проѣзда въ Россію, патріархъ Діонисій, далъ царю самый неслестный отзывъ о Лигаридѣ. Онъ послалъ свою грамоту царю чрезъ Савву, келаря Чудова монастыря, и въ ней прежде всего рѣшаетъ вопросъ о подлинности грамотъ, будто бы уполномочивавшихъ Лигарида быть мѣстоблюстителемъ восточныхъ патріарховъ во время суда надъ Никономъ. „Въ прошломъ, 173 году, артофилаксію докучалъ мнѣ, чтобы я написалъ въ грамотѣ, чтобъ газскому быть экзархомъ, токъ я ему того не попустилъ, и буде такая грамота объявилася у царя, и то всѣялъ плевелы артофилаксію, а Глигаридіи лоза не константинопольскаго престола и я его православнымъ не нарицаю, что слышу отъ многихъ, что онъ папешникъ и лукавъ человекъ... А что газскій Паисій Глигаридіи рукоположенецъ папинъ и по многихъ *лятскихъ* костелѣхъ служилъ за нашу литургію ¹⁾)... и истинно отвержется и прокленеть предъ соборомъ всю папешскую ересь и исповѣдуетъ символъ православія, и онъ въ соборѣ пріять будетъ“ ²⁾. Какъ можно видѣть, отзывъ п. Діонисія является лишь повтореніемъ того, что писалъ о Лигаридѣ, но, къ сожалѣнію, не могъ переслать п. Никонъ. Слова Діонисія должны имѣть тѣмъ большее значеніе, что самъ царь просилъ его сказать чистѣйшую правду относительно разныхъ недоумѣнныхъ пунктовъ,

¹⁾ Къ сожалѣнію, текстъ посланія п. Діонисія на этомъ интересномъ для насъ мѣстѣ настолько пострадалъ, что, по заявленію г. Гиббена, нѣтъ возможности возстановить его.

²⁾ Гиббена, ч. II, стр. 893—894.

возникшихъ при слишкомъ недобросовѣстномъ отношеніи Лигарида къ процессу подготовленія суда надъ патріархомъ Никономъ ¹⁾.

Еще неутѣшительнѣе отзывы іерусалимскихъ патріарховъ, имѣвшихъ случай знать Лигарида лучше другихъ. Патріархъ Нектарій писалъ въ своей граматѣ къ царю: „дажеъ подлинную вѣдомость, что онъ отнюдь ни митрополитъ, ни архіерей, ни владыка, ни пастьрь, потому что онъ столько лѣтъ отсталъ и по правиламъ св. отецъ есть онъ подлинно отставленъ и всякаго архіерейскаго чину лишень только именица Павсѣй“ ²⁾. Въ объясненіе такого отзыва, Нектарій приводитъ то основаніе, что Лигаридъ „называется съ православными православнымъ, а латыни свидѣтельствуютъ и называютъ его своимъ, и кана римскій *емлетъ отъ него на всякій годъ по двѣсти ефимковъ*“ ³⁾.

Преемнику Нектарія, н. Досноэю, хорошо было извѣстно содержаніе граматъ относительно Лигарида, посланной въ Москву.

¹⁾ Отзывъ о Лигаридѣ н. Діонисія произвелъ большое впечатлѣніе на Никона и въ кружкахъ, сочувствовавшихъ ему. Здѣсь посмотрѣли на вѣстную аттестацію гавскаго митрополита, какъ на должное воздаяніе его коварству и лукавымъ дѣяніямъ противъ н. Никона. Аеоносій, митрополитъ Иконійскій, содержавшійся въ то время въ заточеніи за облыжняныя показанія насчетъ граматъ, привезенныхъ съ Востока грекомъ Мелетіемъ, писалъ н. Никону изъ своего заключенія. «Премудрый Отче! Нечестиваго Лихарида ложь совершилася, по словесѣхъ прелажениаго брата: прислалъ писаніе и отлучилъ его и проклялъ яко папашника и злаго чловѣка, глаголетъ лживаго». Въ своемъ отвѣтѣ на письмо м. Аеоносія, н. Никонъ выражается по поводу случая съ Лигаридомъ съ нѣкоторымъ даже злорадствомъ «Да приложитъ Господь, писалъ онъ, древняго Финееса ревность на беззаконно блудившаго Лихарида, и приимши мечъ духовный, и прободеши лукавое сердце и смышленіе, и сбудется реченное во псалмѣхъ: «и ста Финеесъ и угоди, и преста съць, и вмѣнися ему въ правду въ родъ и родъ до вѣка». Пашеть твое прелаженство: яко нечестиваго Лихарида ложь и т. д. (по приведенной выдержкѣ изъ письма м. Аеоносія). По правдѣ братъ нашъ сотвори тому, обаче св. церковь воцѣтъ и глаголетъ непрестанно: прокляти уклоняющіися отъ заповѣдей твоихъ. Той же злой чловѣкъ Лихаридъ ничто же м-сли когда что либо отъ заповѣдей добро сотворити, но присно мыслить, како чловѣкомъ, а не Богу угодити, ему же, по писанному во псалмѣхъ, рассылетъ Господь Богъ кости, яко чловѣкоугоднику». «Русскій Архивъ». 1873 г. кн. 9, стр. 1622, 1624.

²⁾ Каптеревъ, стр. 195.

³⁾ Тамъ же.

Въ своей собственной грамотѣ, посланной царю Алексѣю Михайловичу въ слѣдующемъ 1669 году, онъ писалъ: „намъ вѣдомо есть, какъ отецъ нашъ Нектарій писалъ къ вашей тихости, чтобъ держати его, якобы имѣлъ страхъ, чтобъ не ушелъ къ римскому папѣ“ ¹⁾. Хотя п. Досиоей, по настоянію Алексѣя Михайловича, и прислалъ Лигариду разрѣшительную грамоту, но самъ онъ хорошо понималъ, что это далеко неискреннее прощеніе всѣхъ его проступковъ и провинностей, за которыя онъ былъ лишенъ сана. „Лигаридъ, писалъ Досиоей царю, имѣеть, великій государь, многія и великія вины и согрѣшенія, которыя, написавъ, послалъ было къ тебѣ, великому государю, свидѣтельства ради, только стыдъ нашъ послати не допустилъ... И нынѣ, державное царствіе твое, пишете къ намъ и просите, какъ подобаеть, чтобы мы простили его, а онъ пишетъ къ *нѣкимъ еретикамъ*, которыхъ мы и здѣсь не имѣемъ ни въ живыхъ, ни въ мертвыхъ“ ²⁾... Чтобы понять смыслъ этого послѣдняго выраженія Досиоея, нужно вспомнить слова самого Лигарида, который жаловался царю, что Никонъ написалъ книгу „безчестующу и источающу всякія кривды мерзкія, а вѣщїи были, яко есмь еретьикъ и волхвъ“ ³⁾. Быть можетъ, и Досиоей въ своей грамотѣ обвиняеть Лигарида въ склонности заниматься магіей. Впрочемъ, кромѣ увѣренія Никона, мы не имѣемъ другихъ свидѣтельствъ, доказывающихъ, что Лигаридъ дѣйствительно занимался магіей, и дѣлаемъ только предположеніе въ виду очень загадочныхъ словъ п. Досиоея, обвинявшаго Лигарида въ сношеніи съ такими еретиками, какихъ нѣтъ въ Іерусалимѣ „ни въ живыхъ, ни въ мертвыхъ“. Ясно, что тутъ нельзя разумѣть ни католиковъ, ни протестантовъ, которыхъ тогда было очень достаточно число въ іерусалимскомъ патріархатѣ.

Патріархъ Досиоей болѣе, чѣмъ кто либо другой, былъ глубоко убѣжденъ, что Лигаридъ только по вѣншности православный, а на дѣлѣ всею душою преданъ латинству. Если въ грамотѣ къ

¹⁾ Гиббенетъ, ч. II, стр. 1114.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Каптеревъ, стр. 194.

царю онъ, такъ сказать, вынужденно согласенъ простить Лигарида, то тамъ, гдѣ ему открывалась полная свобода, онъ не стѣснялся сказать свое подлинное мнѣніе о его православіи. Въ своемъ капитальномъ сочиненіи: „*Ἱστορία περὶ τῶν ἐν Ἱεροσολύμοις πατριαρχουσάντων*“ Досиеей такъ отзывается о Лигаридѣ: „Пансій Лигаридъ, хіосецъ, латиномудрствующій (*λατινόφρων*). Онъ написалъ изъясненіе божественной литургіи, но въ пользу нововведеній римской церкви. Еще написалъ историческое сочиненіе о патріаршествовавшихъ въ Іерусалимѣ, въ 73 тетради, въ листъ. Третье его сочиненіе представляютъ повѣствованія о подвижникахъ и о патріархахъ: двѣ трети его противъ восточной церкви, и въ особенности противъ священнаго Фотія, и въ защиту власти папской. Патріархъ константинопольскій Меѳодій (съ 1667 по мартъ 1671) и іерусалимскій Нектарій, прочитавъ эту исторію и видя въ ней крайнюю хулу на православіе, предали ее проклятію, а самого Лигарида проклинали какъ еретика ¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ того же сочиненія Досиеей считается нужнымъ указать, что Пансій Лигаридъ „упоминается въ книгѣ *Τάρχα* подъ именемъ Панталеона Лигарида“ ²⁾. Повидимому, послѣднее обстоятельство не могло имѣть для Лигарида ничего предосудительнаго, если бы только греки не смотрѣли на книгу *Τάρχα* особенными глазами. Эта книга, изданная въ половинѣ XVII вѣка въ Парижѣ, іезуитомъ Францискомъ Рихардомъ (*Franciscus Richardus*), имѣетъ слѣдующее полное заглавіе: *Τάρχα τῆς Ρωμαϊκῆς ἐκκλησίας* (Щитъ римской церкви). Одинъ изъ путешественниковъ по Востоку, англичанинъ Рико (*Ricaut*), описавшій потомъ свое путешествіе въ книгѣ: „*De l'état présent de l'Eglise grecque*“, сообщаетъ, что патріархъ константинопольскій торжественно предалъ проклятію книгу Рихарда и подъ страхомъ церковнаго отлученія запретилъ читать ее кому бы то ни было ³⁾. Сообщеніе это, нужно думать, вѣрно, потому что Досиеей не называетъ книги Рихарда полнымъ именемъ и полагаетъ, что одно

¹⁾ *Ἱστορία περὶ τῶν ἐν Ἱεροσολύμοις πατριαρχουσάντων*. βιβλ. XI, κεφ. XI, § 7.

²⁾ *Ibid.* βιβλ. XI, κεφ. II, § 7.

³⁾ *Ricaut*. с. XIII.

только поименованіе въ этой книгѣ дѣлаеть уже человѣка непра-
вославнымъ.

Послѣ столь рѣшительныхъ отзывовъ о Лигаридѣ іерусалим-
скихъ патріарховъ, Нектарія и Досеоя, считаемъ неизявнишиъ
сдѣлать одно болѣе другихъ вѣроятное предположеніе относительно
причины, побудившей іерусалимскаго патріарха Паисія лишить Ли-
гарида газской катедрѣ. Въ вышеприведенномъ письмѣ доктора
Базайра къ Клоду весьма рѣшительно говорится, что Лигаридъ
до своего посвященія въ митрополиты находился въ дружбѣ съ
латинянами, проживавшими въ Іерусалимѣ и получалъ отъ папы
ежегодный пенсіонъ. Фактъ торжественнаго отреченія и проклятія
латинства, который былъ усмотрѣнъ католиками въ обрядахъ хи-
ротоніи Паисія, лишилъ, будто бы, Лигарида ежегодной субсидіи.
Въ виду того, что намекъ на денежные обстоятельства Лигарида
къ католикамъ есть и въ граматѣ Нектарія къ царю, гдѣ гово-
рится, что „папа римскій емлетъ отъ него на всякій годъ по
двѣсти ефимковъ“, въ словахъ Нектарія и Байзара можно видѣть
извѣстную долю правды, и только не слѣдуетъ придавать свидѣ-
тельствамъ того и другого слишкомъ точнаго значенія. Дѣло въ
томъ, что Базайръ совѣмъ такъ не могъ ручаться за то, что
послѣ посвященія Лигарида въ митрополиты уже прервались вся-
кія отношенія между имъ и католиками. При своей ловкости и
изворотливости, Лигаридъ всегда могъ успокоить своихъ друзей ка-
толиковъ, буде послѣдніе дѣйствительно серьезно остались недо-
вольны его поведеніемъ во время хиротоніи. Если только вѣреть
фактъ, что до своего посвященія въ митрополиты Лигаридъ не
стѣснялся получать пенсіонъ отъ папы, то что значило для гиб-
каго и корыстолюбиваго митрополита газскаго сказать слово изви-
ненія своимъ слишкомъ фанатичнымъ друзьямъ. Да и самъ Ба-
зайръ говоритъ, что Лигаридъ дѣйствительно извинялся въ сво-
емъ мнимоъ оскорбленіи римской вѣры. Во всякомъ случаѣ, если
бы даже католики и имѣли причины болѣе основательныя, чѣмъ
указанія Базайромъ, быть недовольными Лигаридомъ, то послѣднему
стоило захотѣть только, чтобы сдѣлать свои отношенія къ преж-
нимъ друзьямъ самыми наилучшими. Съ другой стороны, патріархъ

Нектарій, даже чрезъ 16 лѣтъ послѣ разсказанной Базайромъ исторіи хиритонія Лигарида, съ увѣренностію утверждалъ, что Лигаридъ платитъ намъ ежегодно 200 ефимковъ. Конечно, Нектарій могъ несовсѣмъ достовѣрно знать денежные отношенія Лигарида къ католикамъ и приписывать Лигариду то, чего тотъ не считалъ нужнымъ дѣлать, однако, чрезъ сопоставленіе свидѣтельствъ Нектарія и Базайра, для рѣшенія вопроса открывається *media via*. Принявъ сначала за вѣрное, что до посвященія въ митрополита газскаго Лигаридъ дѣйствительно пользовался пенсіономъ отъ папы, мы поищемъ, нѣтъ ли въ послѣдующей дѣятельности Лигарида такого факта, который указываетъ, что онъ и потомъ не отказывался отъ денежной помощи латинянъ. Такой, именно, фактъ мы видимъ въ слѣдующемъ обстоятельстве. На московскомъ соборѣ 1666—7 г. грекъ Димитрій Матвѣевъ, въ допросѣ по дѣлу о лекарѣ Артемій, далъ одно интересное показаніе относительно Паисія Лигарида. Къ греку Димитрію пришелъ однажды грекъ Венеть и просилъ его сказать патриарху Никону, что у него есть грамота газскаго митрополита Паисія, которую онъ посылалъ изъ подѣ Чуднова въ Венецію къ кардиналу. Димитрій сказалъ объ этомъ строителю старцу Θεодосію, а затѣмъ оба они отправились къ греку Венету и получили отъ него означенную грамоту: на той грамотѣ подписанъ по-итальянски, а грамота писана по-гречески. Димитрій читалъ ее Θεодосію, а въ ней было написано: „что польскіе и литовскіе люди побили русскихъ людей подѣ Чудновымъ съ сорокъ тысячъ чело-вѣкъ и достальныя черкасскіе города хотятъ поплѣнить, а хотѣлъ онъ газскій ѣхать къ Москвѣ, но за военскими людьми пройти не могъ и возвратился въ волоескую землю, и *чтобъ къ нему денегъ прислать*“. Строитель Θεодосій ту грамоту подалъ патриарху Никону, а патриархъ хотѣлъ ее представить великому государю для того, что митрополитъ газскій переписывается съ еретиками. — Венеть показалъ на допросѣ, что эту грамоту онъ получилъ въ Венеціи отъ грека Бендарта Винаросса два года тому назадъ, чтобы отвезти ее патриарху Никону и кромя его Винаросъ никому не велѣлъ отдавать¹⁾). Событіе, о которомъ разсказываетъ грекъ Ди-

¹⁾ Гиббенець, ч. II, стр. 363.

митрій, случилось съ Лигаридомъ въ то время, когда изъ Молдавіи онъ пытался проникнуть въ Россію, но не попалъ въ нее вслѣдствіе войны между русскими и поляками, въ 1657 году, и снова возвратился въ „воложскую землю“. Здѣсь мы видимъ новое доказательство, что Лигаридъ былъ въ Польшѣ еще до своего посвященія въ санъ митрополита газскаго. А его просьба къ кардиналу о присылкѣ денегъ довольно убѣдительно говоритъ, что онъ и послѣ своего посвященія въ санъ православнаго архіерея не прекратилъ своихъ обязательныхъ отношеній къ католикамъ. Такимъ образомъ, п. Нектарій не напрасно обвинялъ Лигарида за его слишкомъ тѣсную дружбу съ латинами. И такъ какъ отрѣшеніе Паисія отъ занимаемой имъ кафедръ случилось при предшественникѣ Нектарія, п. Паисіѣ, то вполне естественно, что Нектарій несомнѣнно точно могъ знать мотивы этого отрѣшенія и понялъ ихъ въ обратномъ смыслѣ. Паисій Лигаридъ занималъ такую бѣдную кафедру, что платить папѣ ежегодно 200 ефимковъ было бы ему не подъ силу. Съ другой стороны, самъ папа никогда не сталъ бы претендовать на такую ничтожную сумму, если бы онъ видѣлъ, что Лигаридъ существенно полезенъ дѣлу латинства на Востокѣ. Въ подобныхъ случаяхъ ни одинъ папа не отказывался помогать денежными средствами всякому способному пропагандисту латинства. Слѣдовательно, гораздо естественнѣе думать, что самъ Лигаридъ получалъ пенсію отъ папы, чѣмъ предполагать, что онъ платилъ папѣ. Лигаридъ былъ такъ жаденъ къ деньгамъ и корыстолюбивъ, что навѣрно порвалъ бы всякія сношенія съ латинянами, если бы его заставляли платить папѣ за свои собственные услуги его дѣлу. Наконецъ, если принять во вниманіе слова п. Діонисія, который неизменно признавалъ возможнымъ допустить Лигарида къ активному участию въ судѣ надъ Никономъ, какъ только подъ тѣмъ условіемъ, если онъ „отвержется и проклянетъ всю папешскую ересь и исповѣдуетъ символъ православія“, то приходится вывести такое заключеніе, что восточные патріархи наложили каноническое запрещеніе на Лигарида за его неизмѣнную преданность латинству. Послѣ соображеній подобнаго рода, мы склонны думать, что удаленіе Паисія Лигарида отъ за-

нимаемой имъ каеэдры одною изъ главныхъ причинъ имѣло его слишкомъ близкія и обязательныя отношенія къ католикамъ.

Новѣйшіе историки греческой духовной литературы, Сата и Вретосъ, стараются, болѣе или менѣе, очистить Лигарида отъ упрека въ латиномысліи. Считая бесспорнымъ, что Лигаридъ писалъ и издавалъ сочиненія въ пользу латинства, г. Сата (Σάτα) уже слишкомъ ограничиваетъ время его увлеченія латинствомъ. „Посланный на Востокъ, говоритъ онъ, для пропаганды и, почувствовавъ себя свободнымъ отъ желѣзной папской руки, Лигаридъ объявилъ себя послѣдователемъ исповѣданія отцовъ своихъ и учеными сочиненіями своими опровергалъ ереси римскую и кальвинову. Какъ бы желая, чтобы его свидѣтельство распространилось по городамъ, и чтобы нѣкоторые видѣли смиреніе православнаго, онъ написалъ по латыни и распространилъ два сочиненія, опровергающія главнѣйшія нововведенія латинянъ и излагающія ученіе о главенствѣ папы и объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына“¹⁾. Это голословное заявленіе историка греческой литературы, кажется, не возстановляетъ репутаціи Лигарида настолько, чтобы только по нему судить о дѣйствительномъ положеніи вещей. Если бы Лигаридъ на самомъ дѣлѣ предпринялъ такой подвигъ, какой приписываетъ ему Сата, то, безъ сомнѣнія, всѣ дальнѣйшія отношенія Лигарида къ католикамъ и латинству должны были бы имѣть совсѣмъ иное направленіе, чѣмъ то, какое было въ дѣйствительности. Мы уже видѣли, что Лигаридъ явился въ Константинополь съ прямою цѣлю пропаганды католичества и принужденъ былъ удалиться оттуда вслѣдствіе неблагопріятныхъ для его дѣла обстоятельствъ. Кроме того, отправляясь на Востокъ, онъ не только не имѣлъ въ виду писать въ защиту православія, а, напротивъ, несъ съ собою туда одно свое сочиненіе, прямо враждебное православію. Въ приводимомъ уже письмѣ Льва Алліція къ Бартольдѣ Нигузю говорится:

¹⁾ Σάτα. Νεοελληνική φιλολογία. Ἐν Ἀθήναις 1863. σελ. 315. Эти сочиненія Лигарида носятъ заглавія: 1) de primatu papae и 2) de processione S. Spiritus ex Patre. Когда они были изданы, и имѣли ли они значеніе, приписываемое имъ греческимъ ученымъ; объ этомъ не имѣется болѣе никакихъ положительныхъ извѣстій.

„Безъ сомнѣннй, изъ хіосцевъ было много святыхъ... Исторію этого острова и всего, что отличается на немъ святостію и другими достоинствами (agibus), не безъ изящества изобразилъ Панталеонъ Лигаридъ, родомъ хіосецъ, въ одномъ прекраснѣйшемъ стихотвореніи и въ громаднѣйшемъ томѣ. Путешествіе въ Константинополь и другія дѣла помѣшали ему издать въ свѣтъ это сочиненіе, хотя я часто побуждалъ его къ этому. Я полагаю, что онъ хранитъ его у себя въ Византіи въ значительно увеличенномъ объемѣ“¹⁾. Книга, о которой говоритъ Алляцій, никогда не появлялась въ свѣтъ, потому что, по сообщенію п. Досноея, патріархъ константинопольскій Меѳодій, прочитавъ эту книгу Лигарида, проклялъ ее и автора отлучилъ отъ церкви, какъ еретика²⁾. Теперь, если бы Лигаридъ дѣйствительно раскаялся по прибытіи въ Константинополь и даже написалъ полемическія сочиненія противъ католиковъ, то, конечно, это обстоятельство было бы не безызвѣстно п. Меѳодію, который, проклявъ книгу, указанную Алляціемъ, не наложилъ бы отлученія на автора ея, какъ человекъ, уже вполне отказавшагося отъ своихъ прежнихъ заблужденій. Такимъ образомъ, вопросъ о томъ, писалъ ли Лигаридъ сочиненія въ защиту православія и для собственнаго оправданія отъ упрековъ за связи съ католиками, остается еще совсѣмъ нерѣшеннымъ, не смотря на категорическое разрѣшеніе его у греческихъ ученыхъ, Саты и Вретоса³⁾.

Напротивъ, католическій писатель, Родота, хотя и очень склоненъ думать, что Паисій Лигаридъ изчѣпнилъ католицизму, однако не безъ удовольствія рассказываетъ о немъ слѣдующій фактъ. „Умеръ Лигаридъ, говоритъ онъ, въ 1678 г. Одинъ константинопольскій дворянинъ (gentiluomo), который въ теченіе многихъ лѣтъ коротко былъ знакомъ съ нимъ въ Москвити, передалъ начальнику греческаго коллегіума о своемъ присутствіи при его смерти и засвидѣтельствовалъ, что онъ замѣтилъ въ немъ ясныя знаки его твердости въ католической вѣрѣ (della fermezza nella cattolica

¹⁾ L. Allatii. De Ecclesiae occidentalis atque orientalis perpetua consensione. Colon 1657.

²⁾ Loc. cit.

³⁾ Ρ ρ ε τ ο ς. Νεοελληνική φιλολογία. Αθήνα: 1854 μ. Α. σελ. 213—214.

fide) и христіанскомъ благочестіи. Можно видѣть, что одно такое свидѣтельство заслуживаетъ больше кредита, чѣмъ нѣскольکو извѣстій, которыя приводили иныхъ, худо освѣдомленныхъ лицъ, къ заключенію, что онъ былъ отступникомъ отъ вѣры (католической). Разность сообщеній и извѣстій, полученныхъ о немъ съ разныхъ сторонъ, заставляють меня причислить его къ числу „колеблющихся“ (prevaricatori) ¹⁾. Если приведенному Родотою факту и не придавать такого значенія, какое самъ онъ хочетъ видѣть въ немъ, все-таки приходится согласиться, что католики вовсе не отрекались отъ Лигарида, даже послѣ смерти этого проводника католической идеи на Востокъ. Напротивъ, это отреченіе должно было бы непремѣнно случиться, если бы митрополитъ газскій еще при жизни своей подорвалъ свой кредитъ у католиковъ сочиненіями, написанными въ опроверженіе католичества.

Даже въ Россіи, находясь на верху славы и отличнаго положенія, Пансіи Лигаридъ не только удовлетворилъ просьбу шведскаго резидента при московскомъ дворѣ, г. Лилленталя, и написалъ для него трактатъ, излагающій вѣрованіе восточной церкви въ догматъ пресуществленія св. даровъ, но и самъ обнаружилъ въ немъ большую склонность приладить ученіе своей церкви о Евхаристіи къ ученію католической. Въ этомъ трактатѣ есть одно характерное мѣсто, показывающее видимое стремленіе П. Лигарида свести всѣ разности ученія о Евхаристіи церковей латинской и греческой къ вешамъ очень несущественнымъ и ничтожнымъ. Вотъ что, напр., говоритъ онъ въ своемъ общемъ выводѣ о Евхаристіи съ догматической стороны: „itaque Graeca ecclesia non dissentit a Latina quot transsubstantiationem, discordat non parum quoad materiam, utrum videlicet in azimo, vel in fermentato pane conficiendum sit hoc augustissimum sacramentum. Quamobrem Latinos Graeci nuncupant azimitae ex eo, quod azimo pane utantur in consecratione, cum contra ipsi solcant in pane fermentato celebrare, innixi praeter alia argumenta in voce hac ἄζιμος, quae

¹⁾ Rodota. Dell'Origine, progresso et stato presente del Rito Graeco in Italia. Roma 1763. libro III, p. 208.

ab *αιρεσθαι* hoc est, ab inflando seu tollendo dicatur derivari. Sunt tamen nonnulli, qui utrosque reconciliare praesumunt agentes differre tamen panem azimum a fermentato accidentaliter¹⁾...

Такимъ образомъ, сводя къ окончательному итогу всѣ данныя, представляемыя письмомъ до-Помпона и другими поясняющими его источниками, мы должны сказать, что еще очень многое остается неяснымъ и неизвѣстнымъ изъ многосложной и запутанной біографіи Паисія Лигарида, митрополита газскаго. Стараясь прояснить только нѣсколько моментовъ изъ жизни этого лица, замѣчательнаго и замѣтнаго въ исторіи суда надъ патриархомъ Никономъ, по недостатку многихъ данныхъ, мы далеко еще не можемъ прослѣдить шагъ за шагомъ всю его жизнь, полную многихъ любопытныхъ фактовъ, хотя полная его біографія, безъ сомнѣнія, могла бы имѣть громадный интересъ. Быть можетъ, со временемъ, найдутся новыя свѣдѣнія о немъ, объ его отношеніяхъ къ католичеству, объ его дѣйствительныхъ убѣжденіяхъ, а пока на основаніи нашихъ данныхъ только приходится отнести Лигарида къ числу лицъ, „производящихъ соблазнъ“ и своимъ двусмысленнымъ поведеніемъ и небезупречнымъ прошлымъ.

Л. Лавровскій.

С.-Петербургъ. 1889 г.

¹⁾ La perpetuité de la foy de l'Eglise catholique touchant l'Eucharistie, defendue contre le Sieur Claude. Paris 1669. in. 4°, t. I, livre XII, p. 61).

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки